

Тыну40к
Goblina

**АЛЕКСАНДР
КАРЦЕВ**

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО РАЗВЕДЧИКА

Откровенные воспоминания военного разведчика о секретных операциях, которые формировали современный мир.

Без цензуры. Без прикрас. Только факты.

Тупичок Гоблина

Александр Карцев

**Шелковый путь. Записки
военного разведчика**

«ЛИРА»

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-49

Карцев А. И.

Шелковый путь. Записки военного разведчика / А. И. Карцев — «ЛИРА», 2014 — (Тупичок Гоблина)

ISBN 978-5-907727-79-3

Эта книга – не просто мемуары, а живой рассказ о реальных событиях, которые до сих пор оставались за грифом «Совершенно секретно». Откровенные воспоминания военного разведчика о секретных операциях, которые формировали современный мир. Без цензуры. Без прикрас. Только факты. Перед вами роман, основой которого послужили афганские дневники ветерана военной разведки Александра Карцева.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6-49

ISBN 978-5-907727-79-3

© Карцев А. И., 2014
© ЛИРА, 2014

Содержание

Партийное задание	6
Батальон резерва	12
Афганистан	17
Тотахан	22
Первоочередные задачи	26
Лейла	33
Карим и Марь Иванна	40
Не приговор, а задача	46
Куликовская битва	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Карцев Шелковый путь. Записки военного разведчика

*Посвящается Сергею Карпову
С завистью к его офицерской молодости. Солдату маршрута
Кабул – Джабаль-Ус-Сирадж.*

Серия «Тупичок Гоблина»

В книге возможны упоминания организаций, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации, таких как Meta Platforms Inc., Facebook, Instagram и др.

© ООО Издательство «Питер», 2025
© ООО «Лира», 2025
© Карцев А. И., 2014
© Фото автора на 4-й сторонке обложки: Михаил Михин, 2025
© Серия «Тупичок Гоблина», 2025

Партийное задание

Когда начальнику политотдела Московского ВОКУ полковнику Чемисову поставили задачу порекомендовать кого-нибудь из четверокурсников для службы в одной из организаций, он почему-то сразу подумал о курсанте Карпове из седьмой роты. И приказал своему помощнику принести из отдела кадров личное дело этого курсанта.

Читая его, Владимир Сергеевич убеждался, что не ошибся в своем выборе, Сергей Карпов подходил по всем параметрам: учился в спортивном взводе, был коммунистом, заместителем секретаря комитета ВЛКСМ батальона, Фрунзенским стипендиатом. В составе спортивного взвода занял первое место на первенстве Московского военного округа по военно-прикладному плаванию и второе место по марш-броску на десять километров с боевой стрельбой.

Вечера для молодоженов, которые они с сержантом Черниковым проводят в училище, наделали много шума не только среди московских красавиц, но и в политуправлении Московского военного округа. Толковая идея! Почему раньше об этом не додумались? И его предложение – привлекать старшекурсников к проведению занятий по начальной военной подготовке в подшефных школах – тоже вполне разумное. Хороший, инициативный из него офицер получится. К тому же он не только предлагает интересные идеи, но и успешно реализует их на деле.

В дверь постучали.

– Разрешите войти?

– Входите. – Владимир Сергеевич отложил личное дело в сторону и посмотрел на входящего в кабинет курсанта, словно пытался понять, не ошибся ли он в своем выборе. – Присаживайтесь!

«Нет, не ошибся», – удовлетворенно подумал он, а вслух произнес:

– Завтра в шесть ноль-ноль вам нужно прибыть в издательство «Правда» вот по этому адресу и позвонить Александру Александровичу. – Полковник протянул небольшой лист бумаги с адресом и телефонным номером. – Вам сделают предложение по поводу вашей дальнейшей службы после окончания училища. Считайте это предложение партийным заданием. Увольнительную получите у ротного. Все понятно?

– Так точно, товарищ полковник. Разрешите идти?

– Идите!

Сказать, что я был в шоке, когда вышел из кабинета начальника политотдела, – значит ничего не сказать. Я с детства мечтал стать разведчиком, окончил среднюю школу без четверок, поступил в прославленное Московское высшее общевойсковое командное училище и четыре года учился на отлично для того, чтобы стать хорошим разведчиком. Но оказалось, что моей мечте не суждено сбыться. Перспектива после окончания училища продолжить службу в газете «Правда» меня совершенно не радовала. Но и отказаться от этого предложения я не мог, раз это было партийное задание. В общем, я был в печали и полной растерянности.

Почему-то вспомнилось, что отец был категорически против моего поступления в военное училище и вступления в партию. С училищем все понятно: когда я учился в десятом классе, в Афганистане уже два года шла война. Оба моих дедушки погибли в годы Великой Отечественной, и мои родители, пережившие все тяготы безотцовщины, почему-то были уверены: если я стану офицером, то непременно попаду в Афганистан и погибну. Или пропаду без вести. Как мой прадед – донской казак Данила Лаврович Паршин, отличившийся в Русско-японскую, а затем в Первую мировую и сгинувший в смуте Гражданской войны. Или мой дедушка Егор Петрович Карцев, бывший царский офицер-артиллерист, умерший от ран в годы Великой Отечественной.

Что же касается моего вступления в партию, отец всегда говорил, что в ней есть коммунисты и члены (после этого слова он всегда делал небольшую паузу) партии. Коммунисты – это те, кто в мирное время выполняют самые опасные и тяжелые задачи. А во время войны поднимают своих бойцов словами: «За мной в атаку, вперед!» Члены партии в мирное время говорят красивые и правильные слова, а в военное время поднимают бойцов в атаку словами: «В атаку вперед!» И чаще всего поднимают, сидя в тылу. В этом есть небольшая, но принципиальная разница.

По словам отца, после Великой Отечественной настоящих коммунистов в нашей стране осталось мало, а членов партии с каждым годом становится все больше и больше. Я же никогда не смогу быть членом партии, а всегда буду коммунистом. Как и мой дедушка, Иван Васильевич Чураков, коммунист-двадцатипятилетний, первый председатель колхоза в селе Теплом, который вместе со своими братьями ушел в 1941 году добровольцем на фронт, погиб в боях под Ржевом и 65 лет числился пропавшим без вести. Потому что я – копия моих дедов и прадеда. Так что, по мнению отца, шансов уцелеть на войне у меня нет.

Я же был почему-то уверен, что обязательно уцелею на войне. Быстренько отслужу положенные двадцать лет, выйду в запас, получу земельный участок в двадцать пять соток, построю дом, женюсь, буду воспитывать детей и внуков, жить долго и счастливо. А мои родители всегда будут гордиться мною и понимать, что они были не правы.

На следующий день я приехал на улицу Правды, д. 24. Мы встретились с Александром Александровичем, поднялись на этаж, на котором висела табличка «Агитатор. Журнал ЦК КПСС», прошли в один из кабинетов, на котором не было никаких табличек. Александр Александрович был краток и задал мне лишь один вопрос: как я смотрю на то, чтобы после окончания училища продолжить свою службу в разведке.

Мое сердце готово было выскочить из груди от этого вопроса. Но я нашел в себе силы не прыгать от радости, а просто ответил:

– Положительно.

На оформление необходимых документов и выбор моего нового «имени» ушло совсем немного времени. После этого мы прошли в соседнее помещение, в котором художник Михаил Емельянович Кузнецов начал рисовать мой портрет. Я почему-то был уверен, что меня будут фотографировать для личного дела. Но портрет, да еще и написанный не масляными, а акварельными красками, показался мне явным авангардизмом.

Через несколько дней я уехал на войсковую стажировку в Калининград. Кроме практики в должности командира взвода, на этой стажировке я собирал и материалы для своего реферата по военной истории «Тактика действий штурмовых отрядов в боях за Кёнигсберг». И в этом мне очень помогли студенты и преподаватели Калининградского государственного университета. Они же предложили мне в моем первом лейтенантском отпуске принять участие в их ежегодной экспедиции, цель которой – проверка состояния памятников архитектуры, расположенных в Калининградской области и в Литве.

Месяц спустя я вернулся в Москву. На стажировке у меня возникла конфликтная ситуация с одним из проверяющих, после которой я уже больше не хотел становиться офицером и даже разведчиком. И принял решение уйти из училища. В принципе, ничего страшного в этом не было. Занятия в «Правде» еще даже не начались, мне легко могли найти замену и подготовить вместо меня любого другого. Сан Саныч с первого взгляда догадался, что что-то произошло.

– Рассказывай!

Я рассказал все, без утайки. Сказал, что разведчик из меня не получится.

– Сережа, дураков везде хватает. И в армии тоже. Мы не ради них служим. Так что забудь об этом проверяющем. Тебе предстоит участвовать в операции, которая спасет многие жизни. А каждый спасенный тобой человек – это чей-то сын, муж, отец. Это важнее любых обид.

Я не был уверен, что у меня получится забыть о произошедшем, но, чтобы сменить тему разговора, рассказал Сан Санычу о том, что мне предложили поучаствовать в экспедиции. Он горячо поддержал эту идею:

– Архитектура – интереснейшее искусство не только проектирования и строительства зданий и сооружений, но и их эффективного уничтожения, если в том возникнет необходимость. Думаю, на занятиях по военно-инженерной подготовке вам это уже объяснили. Но в экспедиции обращай внимание не только на «болевы́е точки» замков и крепостей, а в первую очередь на геометрию защитных сооружений – пытайся понять, в чем был замысел древних зодчих и как это работало.

Сан Саныч убедил меня остаться, но первые занятия проходили как в тумане. Поначалу было трудно сосредоточиться. Но постепенно я начал втягиваться в учебный процесс.

В феврале вышел из печати журнал «Агитатор» с моим портретом и моей статьей о нашем училище. По логике вещей разведчики должны быть скромными и неприметными. На вопрос, для чего нужно меня «засвечивать», Александр Александрович ответил иносказательно, что темней всего под фонарем. И попросил посмотреть тираж этого журнала.

– Один миллион пятьсот пятьдесят девять тысяч экземпляров.

– Умножь это число хотя бы на два – это более трех миллионов человек, готовых тебе помочь, если у тебя возникнет в том необходимость. Но главное, о помощи никого не нужно будет просить, тебе будут ее предлагать сами. Это гораздо удобнее. Вскоре ты начнешь получать письма от читателей этого журнала, заведи себе записную книжку, в которую записывай их адреса. И размещай их в алфавитном порядке не по фамилиям или именам, а по странам и городам.

И действительно, уже через несколько дней я начал ежедневно получать множество писем с предложениями приехать в гости, познакомиться поближе – практически из всех городов Советского Союза и многих стран Варшавского договора. А авторы этих писем на долгие годы стали моими хорошими друзьями и товарищами, которые не раз выручали меня в трудные минуты.

Весь последний семестр, два раза в неделю, под видом общественной работы я приезжал в издательство «Правда». Формально я выезжал из училища проверять занятия по начальной военной подготовке, которые по моей инициативе проводили наши старшекурсники в подшефных школах. Но проверять тех, кто проводил занятия на самом высоком уровне, смысла не было. А вот использовать это время для решения других, более важных задач было вполне разумно.

Почему-то я был уверен, что меня, как и всех приличных разведчиков, будут учить стрельбе по-македонски, с двух рук, прыжкам с парашютом и использованию азбуки Морзе. Но вместо этого мне пришлось изучать фарси и историю Афганистана, традиции и обычаи афганского народа, труды древнекитайских мудрецов, основы организации национально-освободительного движения в зарубежных странах и ряд специальных предметов. А главный упор почему-то был сделан на военно-медицинскую подготовку и совершенно неожиданно для меня – на занятия по массажу.

В училище я занимался на курсах военных переводчиков. Нас заставляли зубрить слова и фразы, требующиеся для допроса военнопленных. Методика изучения фарси была немного иной – в первую очередь нужно было запоминать слова, необходимые в быту и при общении. И если тебе было что-то нужно, ты мог это попросить, но на фарси. Ежедневно надо было запомнить несколько новых слов. Это оказалось совсем не трудно, и за полгода мой словарный запас заметно вырос.

На занятиях довольно сложным для меня, с моей травмой позвоночника, было научиться длительное время сидеть на полу, скрестив ноги (оказалось, что в подготовке разведчиков не бывает мелочей, и позднее эти навыки помогали мне успешно проводить переговоры с афган-

цами). Занятия проводились по методу «лекции-провокации», когда преподаватели умышленно закладывали в учебный материал одну или две ошибки, которые я должен был обнаружить в ходе самоподготовки. Но сложнее всего оказалось работать с материалом, когда ошибок в нем не было, а я их искал.

По словам Сан Саныча, многие из моих преподавателей были обычными журналистами-международниками. Думаю, это было правдой. Точнее, одной из их многочисленных профессий могла быть и такая. Нетрудно было догадаться, что некоторые из них работали в Афганистане еще при Нур Мухаммеде Тараки, но явно не журналистами. Они рассказывали забавные истории о своих афганских похождениях и об обычаях, чудом сохранившихся в горных кишлаках. Таких как «хлебное» братство, которое дороже кровного. По их словам, если кто-то разделит с тобой лепешку, ты становишься его «хлебным» братом. Но, чтобы я не строил ненужных иллюзий, меня сразу же успокоили, что обычай этот почти утрачен. И если уж кровные братья иногда могли что-то не поделить между собой, то и «хлебный» брат мог не задумываясь выстрелить в спину.

Нас не представляли друг другу, для занятий это было не обязательно. Но с двумя из преподавателей я уже встречался ранее. Первый был профессором-историком, вместе с которым пару месяцев назад мы работали в издательстве «Известия», во время подготовки материалов к 40-летию Победы. А второй проводил занятия на слете отличников московских вузов в Академии общественных наук при ЦК КПСС, на которых мне довелось присутствовать. Нетрудно было догадаться: чтобы я попал на занятия в «Правду», понадобилась не только рекомендация начальника политотдела нашего училища, но и их рекомендации. Когда я поинтересовался у Сан Саныча, так ли это, он улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

– Ты помнишь, сколько глаз было у циклопа?

– Один, – не задумываясь ответил я.

– На самом деле в древнегреческой мифологии у циклопов были один или три глаза. Обычные люди уверены, что им достаточно и одной точки зрения. Разведчики же должны использовать информацию, полученную из разных, не связанных друг с другом источников. Поэтому мы не одноглазые, а трехглазые циклопы. И не случайно именно три точки опоры определяют устойчивое положение в пространстве.

То, что меня готовят к Афганистану, не было секретом. Но уровень информации, которую мне приходилось изучать, явно превышал тот, который мог мне понадобиться в ближайшее время. И, похоже, был рассчитан на вырост. Но все оказалось гораздо проще. Сан Саныч уже рассказывал мне о главном жизненном принципе Рихарда Зорге, но теперь он озвучил и его девиз: «Чтобы узнать больше, нужно знать больше других. Нужно стать интересным для тех, кто тебя интересуется».

– Это основа подготовки разведчиков. Так что твои главные задачи на ближайшее время – многому научиться и стать интересным для тех, кто нас интересуется.

На одном из занятий Сан Саныч познакомил меня со своим другом и моим однофамильцем Героем Советского Союза Владимиром Васильевичем Карповым. Во время войны он был войсковым разведчиком, после ее окончания стал известным писателем. Его книга «Взять живым!» была одной из моих любимых. А слова Владимира Васильевича, сказанные им на этой встрече, о том, что самой страшной проблемой на фронте для наших разведчиков были противопехотные мины (не только немецкие, но и наши), запомнились мне на всю жизнь.

Вскоре Сан Саныч подарил мне книгу афганских сказок и легенд. По его словам, в сказках хранится душа и ключ к пониманию любого народа. И из сказок можно узнать о народе, его обычаях и традициях гораздо больше, чем из любых справочников по этнографии.

Постепенно я втягивался в занятия по разведподготовке, но, помимо этого, мне нужно было готовиться к училищным занятиям и выпускным экзаменам. Время для этого было

только ночью. От постоянного недосыпа я начинал превращаться в лунатика. Хотя, что такое настоящий недосып, я узнаю позднее, уже на войне.

И одновременно с этим на меня посыпались неприятности как из рога изобилия. Мой лучший друг по училищу и секретарь комитета комсомола нашего курса Володя Черников откуда-то узнал, что в последнее время я не ездил в подшефные школы, а пропадал невесть где. Володя сказал, что он больше не считает меня своим другом.

Сан Саныч говорил, что учить «легенду» о своем «прошлом» мне не придется. Ведь любую «легенду» профессионалы расколют на раз. Потому идея совмещать учебу в училище с занятиями по разведподготовке была правильной. Ведь если враги захватят меня в плен и будут спрашивать, чем я занимался с августа 1981-го по июнь 1985 года, можно будет честно признаться, что учился в военном училище. Это будет правдой. Одной только правдой, но не всей правдой. Все остальное можно будет списать на склероз.

Но оказалось, что идея «говорить не всю правду» могла ввести в заблуждение только врагов, а не друзей. Было очень горько слышать эти слова от Володи, но я ничего не мог сказать ему в ответ.

Перед выпускными экзаменами ко мне подошли двое ребят из моего взвода, сказали, что в последнее время я слишком отдалился от своих товарищей. И они не хотят, чтобы я присутствовал в ресторане, в котором мы планировали отметить свой выпуск из училища. Эта новость оказалась неожиданной, ведь у меня всегда были хорошие отношения с моими товарищами. Хотя последние полгода я действительно немного от них отдалился. Не по своей вине.

А на государственных экзаменах я получил две четверки: по огневой подготовке и по эксплуатации боевых машин. Это тоже стало для меня неожиданностью. Ведь за все четыре года учебы у меня была только одна четверка – по «Технологии металлов», которую я знал гораздо лучше, чем наша новенькая преподавательница, только что окончившая институт. Два года был Фрунзенским стипендиатом, к тому же точно знал, что ответил на билеты государственных экзаменов на отлично. Но в результате остался без красного диплома. Хотя о нем я как-то и не думал, но красный диплом давал возможность выбора места дальнейшей службы и поступления в академию без вступительных экзаменов.

Много лет спустя Сан Саныч извинится за эти две четверки. Скажет, что он не сомневался во мне, но наверху решили подстраховаться, чтобы я не передумал ехать в Афганистан. И попросили поставить мне четверку за один из госов (даже с одной четверкой, полученной на госах, красный диплом уже не полагался). А в академию, скажет Сан Саныч, я бы в любом случае успешно сдал вступительные экзамены. Если бы захотел.

Никогда не думал, что служба в разведке окажется такой тяжелой – особенно в моральном плане. Хотя самой службы еще и не было! А мне предстояло как-то сказать родителям о своей командировке в Афганистан. Надо было что-то придумывать, ведь они боялись этого больше всего.

Чтобы как-то отвлечь меня от этих невеселых мыслей, Сан Саныч рассказал мне забавную историю о том, как он получил назначение на руководящую должность в Военном отделе ЦК КПСС. По роду деятельности ему предстояло много общаться с представителями зарубежных стран, которые обращались к руководству нашей страны с различными просьбами.

Во многих странах принято делать подарки перед тем, как озвучивать подобные просьбы, сказал ему руководитель Военного отдела. И просителям будет гораздо проще в выборе подарков, если они будут знать, чем вы увлекаетесь, какое у вас хобби. Возможно, вы коллекционируете картины, марки, холодное оружие или борзых щенков?

– А деньги?

– Деньги – это взятка, уголовно наказуемое деяние.

– А если старые деньги, уже вышедшие из оборота?

– Нумизматика? Это можно!

Так Сан Саныч за очень короткое время стал одним из самых известных нумизматов в СССР. А среди его близких знакомых оказались нумизматы со всего мира, очень влиятельные и серьезные люди.

Вскоре я узнал, что мне предстоит встретиться в Афганистане с другом Сан Саныча – бывшим преподавателем Кабульского политехнического института, который проходил в наших документах под псевдонимом Судья (Кази на фарси). Наладить с ним контакт и, по возможности, стать его учеником.

Батальон резерва

Мне повезло: во время моего выпуска из училища я разминутся со своими родителями и родственниками, приехавшими на Красную площадь. Так что в училище за распределением поехал один. Благодаря этому они не увидели мой отпускной билет, в котором было написано, что после окончания отпуска я должен прибыть в штаб Туркестанского военного округа. А в открепительном талоне к партбилету – запись о необходимости встать на учет в партийном отделе 40-й общевойсковой армии.

Врать я никогда не умел, но и сказать родителям правду не мог. Понимая, что правда их просто убьет. Поэтому сказал, что получил направление в Южную группу войск, намекая на Венгрию. Первые дни родители усиленно делали вид, что поверили мне. Хотя отец всегда знал, куда я поеду после окончания училища. А маме это подсказало ее материнское сердце. И я часто слышал, как она плакала по ночам.

Отец настаивал, чтобы я непременно женился в этом отпуске. Это было логично: если меня убьют, после меня останутся мои дети. Но, видимо, к своим двадцати годам я был слишком мал для понимания этого. И у меня еще не было девушки. Отец был уверен, что выпускнику Московского высшего общевойскового командного училища достаточно одной недели, чтобы жениться. Один день – познакомиться с красивой девушкой, три дня, чтобы она в него влюбилась, и три дня для того, чтобы расписаться (в связи с войной в Афганистане срок между подачей заявления и росписью в ЗАГСе был сокращен для офицеров до трех дней). И у меня еще оставалось около трех недель для того, чтобы плодиться и размножаться. Но я считал, что это нечестно. И будет правильно, если я сначала вернусь с войны, а уже потом начну заниматься всеми этими важными и нужными делами.

А пока я нашел одно из многочисленных писем, полученных мною от читателей журнала «Агитатор», и написал в ответ, что в ближайшее время непременно воспользуюсь приглашением и прилечу в гости. В город Ташкент.

Сан Саныч был прав, говоря, что мне не придется никого просить о помощи, ее будут предлагать. И вместо того, чтобы прилететь в незнакомый город, искать гостиницу и штаб округа, я всего лишь прилетел в аэропорт, где меня встречали очаровательная девушка по имени Марина и ее отец, который отвез нас на своей машине к ним домой. Это оказалось гораздо удобнее, чем одному скитаться по незнакомому городу с огромным чемоданом «смерть носильщика». Такие чемоданы с формой были у всех выпускников военных училищ. Хорошо еще, что второй такой же чемодан с зимней формой я оставил дома.

С детства я помнил фильм «Ташкент – город хлебный». В первый же вечер выяснилось, что он не только хлебный, но и очень гостеприимный. Марина была художником. Поэтому сутки с небольшим, проведенные мною в Ташкенте, превратились в калейдоскоп беспрестанных встреч с ее друзьями-художниками, посещение их выставок и мастерских. И в увлекательные экскурсии по замечательному и очень красивому городу.

Из нашего выпуска распределение в ТуркВО получили тридцать человек. Десять из них остались служить в военных частях округа, а двадцать молодых лейтенантов, и я в том числе, получили загранпаспорта для убытия в Афганистан. Мои товарищи Игорь Гук, Олег Якута и Игорь Овсянников решили лететь в Афганистан сразу. Остальные были направлены в поселок Азадбаш, находившийся в пригороде Чирчика, примерно в тридцати километрах от Ташкента. Отец Марины отвез меня и мой огромный чемодан на своей машине туда менее чем за час. На общественном транспорте эта дорога заняла бы у меня гораздо больше времени и сил.

Целый год я проходил дополнительную подготовку в 197-м отдельном батальоне резерва офицерского состава: акклиматизацию, горную, минно-взрывную подготовку, огневую подготовку на горном стрельбище, учился вождению боевой техники на горном танкодроме. Но

кроме этого, почти два месяца исполнял обязанности помощника начальника оперативного отделения дивизии в поселке Азадбаш и один месяц – начальника разведки полка (во время развертывания, учений, боевых стрельб и выполнения учебно-боевых задач в Каракумах в январе 1986 года), выезжал с проверкой разведбата в Кушку.

Если поначалу наш батальон формировался из молодых лейтенантов, только что окончивших военные училища, то после того, как осенью 1985 года нас перевели из Азадбаша в Келяту, стали появляться и офицеры в более высоких званиях – старшие лейтенанты и капитаны, успевшие уже послужить в войсках. Ходили мы в солдатской форме, но подпоясанные офицерскими ремнями и с кокардами на панамах. Вместе с моим другом Володей Ивановым по выходным бегали купаться в бахарденском подземном озере Ков-ата («Отец пещер» на туркменском), находившемся километрах в двадцати от нашего учебного центра. Или вместе с выпускником ЛенВОКУ Игорем Дорогановым ездили прогуляться в Ашхабад.

Во время одной из таких поездок я навестил своего друга по училищу Сергея Андреева, который служил в Ашхабаде. Передал ему стопку почтовых конвертов, на которых подписал почтовый адрес своих родителей, а в качестве обратного адреса указал его ашхабадский адрес. Договорились, когда я попаду в Афганистан, буду отправлять письма родителям на его адрес. Он будет перекладывать их в эти конверты и отправлять. А письма от моих родителей будет пересылать на мою полевую почту. По моему разумению, такая небольшая военная хитрость позволила бы скрыть от моих родителей то, что я уже нахожусь в Афганистане. Чтобы они узнали об этом как можно позже.

Изредка получалось слетать на выходные домой. Обычно из дома я привозил пятилитровую пластмассовую канистру с клубничным вареньем. К тому времени по почте приходила пятикилограммовая посылка с печеньем, которую присылала моя сестра. Всего этого богатства хватало нам на один вечер, когда мы, почти всей ротой, собирались в ленинской комнате. Грозил всем электрическим сетям учебного центра коротким замыканием, в трехлитровых банках с водой гудели самодельные кипятильники, сделанные из лезвий бритв или стальных подковок к сапогам. Из-за проблем с гепатитом, который в то время начал косить наши ряды, мы использовали не чайную заварку, а верблюжью колючку (предварительно тщательно измельчали ее, превращая в кашицу). По словам нашего командира батальона, эта настойка хорошо защищала от гепатита, но желтухой тогда у нас переболели многие.

Сразу после Нового года наших резервистов стали отправлять в очередные отпуска, чтобы мы успели отгулять их до отправки в Афганистан. Моя очередь подошла только в апреле. Обстановка дома была тяжелая, все прекрасно понимали, что ожидает меня в ближайшем будущем, поэтому я решил немного попутешествовать. Сначала полетел в Калининград, где вместе с преподавателями Калининградского университета принял участие в экспедиции по проверке состояния памятников архитектуры в Калининградской области и в Литве. В этот раз по совету Сан Саныча форты, крепости и старинные замки я рассматривал с точки зрения не только военного, но и инженера, и архитектора. И сделал для себя много интересных открытий о том, как инженерные решения могут помочь сохранить жизни моих бойцов.

Из Калининграда я планировал полететь в Киев. Там жил еще один читатель журнала «Агитатор» – ученик пятого класса Костя Г. Он пригласил меня приехать в гости, сразиться на шахматной доске. Первую партию мы играли с ним около года, по переписке: одно письмо – один ход. Сыграли партию вничью, и мне было интересно познакомиться со столь юным и талантливым подростком, у которого я не смог выиграть в шахматы.

Когда 26 апреля я приехал в аэропорт, мне сказали, что на Киев все рейсы отменены. Причину отмены не озвучили. Это было довольно неожиданно. До Киева можно было добраться и на поезде. В кармане у меня лежал транзитный билет на самолет Москва – Калининград – Киев – Москва. Разумеется, его можно было поменять, но дорога на поезде заняла

бы гораздо больше времени, чем я планировал. До конца отпуска оставались считанные дни, и каждая минута была у меня на вес золота.

Возможно, кто-то другой решил бы эту задачу иным способом. Но после службы в оперативном отделении дивизии и исполнения обязанностей начальника разведки полка меня уже приучили находить не совсем привычные способы решения поставленных задач. Я подумал, что на Киев может лететь самолет военно-транспортной авиации, но оказалось, что летит обычный Ан-24 с какими-то спецами на борту. Договорился с их старшим (удостоверение личности офицера Советской армии тогда было почти «вездеходом»). Он попытался меня отговорить. По его словам, в Киеве произошла какая-то серьезная авария. Но я сказал волшебное слово «надо!». И примерно через два часа был уже в киевском аэропорту Жуляны, где меня встречал Костя со своими родителями.

Вечером было большое и очень хлебосольное застолье. А утром Костя показывал мне Киев. Мы гуляли по набережным и по Крещатику, которые были удивительно безлюдными. Город мне понравился, и очень понравилась квартира, в которой Костя жил со своими родителями, – просторная, светлая, с интересной планировкой. Я подумал, что скоро такие квартиры начнут строить по всему Советскому Союзу.

Но больше всего мне понравилось, что Костя не предлагал мне сыграть с ним в шахматы. Почему-то играть не хотелось. Не потому, что где-то неподалеку, на Чернобыльской АЭС, в эти дни произошла какая-то непонятная авария. А потому, что едва ли в этот раз мы смогли бы с ним свести партию вничью. А мне не хотелось, чтобы среди нас были проигравшие.

На следующее утро я улетал в Москву. Во время регистрации обратил внимание на то, что среди пассажиров были только женщины. Подавляющее большинство с малолетними детьми. Не знал, были ли в это время какие-то ограничения на вылет мужчин из Киева. У меня в кармане лежал транзитный билет на Москву, и я об этом как-то не задумывался. Но мне казалось, что все эти женщины смотрят на меня с плохо скрываемым презрением, как на какого-то труса. И было глупо пытаться объяснить им, что я не бегу из Киева, а лечу через Москву в Афганистан.

Минут через десять после взлета самолет развернулся и снова приземлился в Жулянах. У него оказалась какая-то неисправность. Примерно через час мы взлетели снова, но уже на другом самолете. Почти сразу же после взлета в салоне самолета заплакал чей-то ребенок. Следом второй, третий... Этот полет запомнился мне жутким детским плачем, который никто не в силах был остановить.

А еще через несколько дней я летел в Туркмению, в свой родной батальон резерва. И почему-то вспоминал, как в начале моей службы в Азадбаше к общежитию, в котором я тогда жил (в бывшей дворянской усадьбе), по утрам приходили узбекские женщины, приносили фрукты. Денег за них не брали. Говорили: «Мы знаем, куда вас готовят. Вернитесь домой живыми. И наших сыновей тоже верните живыми». Я до сих пор помню их добрые и очень светлые лица. И их материнский наказ.

Почему-то я был уверен, что после отпуска нас сразу отправят в Афганистан. Но прошли май, июнь. Наступил июль. Это было время изнурительного ожидания. Учебные занятия продолжались до позднего вечера, но не могли занять нас полностью. Мысленно мы были уже далеко от этих мест. Тогда мы еще не понимали, что эти месяцы – просто подарок судьбы. Нам подарили возможность прожить еще несколько мирных дней. Но мы ждали вызова.

В середине июля пришло письмо от Сан Саныча:

Дорогой Сережа! Получил твое письмо от 9 июля. С интересом прочитал повествование о твоем житье-бытье и вот что хочу сказать. Главное, что сейчас определяет твою жизнь, – это чувство сидения на чемодане. Точно такое же ощущение испытывают пассажиры на аэровокзалах, когда задерживаются рейсы. Но там большие недели никто не ждет.

Твое ожидание подлиннее. Между прочим, вся армейская служба для многих – это постоянное сидение на чемоданах. Сидят в группах войск – время идет, переведут в страну, там и начнем дела. Сидят в Заполярье – время идет, переведут в группу войск, ну и так далее. Так проходит жизнь и утрачивается время, которое можно использовать с толком.

Сколь бы ни был неустроен быт резерва, какие бы психологические состояния ни приходилось испытывать – себя от личного дела, ведущего к личной цели, отставлять нельзя. Ты же волевой парень. Скоро, как говоришь, на несколько дней приедешь в отпуск. Приедешь, купишь новый календарь. Значит, год улетел – и не догонишь. А разве за это время нельзя было довести английский до 20 тысяч слов? Или взять что-то иное, требующее усилий. И что может пригодиться впоследствии. И довести дело до ума?

Хотелось бы, Сережа, чтобы ты понял, что время утекает как песок и вот так в бесцельном созерцании себя держать не стоит. Человек целеустремленный не может дать себе права быть в резерве. Пусть как хотят называют подразделение, где тебе служить, – сам не будь в резерве. Делай шаги всегда и везде. Я тут в последнее время приболел. Завтра выхожу на службу. Жму руку, обнимаю.

А. Ш.

Письмо могло означать только одно – необходимость подучить английский. Видимо, он понадобится мне в недалеком будущем. Я думал, что в Афганистане, но Сан Саныч любил многоходовые комбинации. И уже сейчас начинал готовить меня к следующей командировке.

Уже скоро в батальон должны были прибывать новые выпускники военных училищ. Из первого набора нас осталось человек пятнадцать. И в чью-то светлую голову пришла мысль отправить нас на Арбат. Служба на Арбате (в Москве, или в «Приарбатском» военном округе, как мы в шутку его называли) в Советской армии считалась самой престижной. Гораздо круче, чем служба в зарубежных группах войск. В группах войск была очень серьезная боевая подготовка, что для дальнейшей службы было хорошим трамплином, да и границу посмотреть было интересно. Но в «Приарбатском» военном округе было легче сделать карьеру. Проблема заключалась в том, что служить нас отправили не на московский Арбат, а на туркменский. Точнее, на Красный постоянный двор, в Кизыл-Арват (Гызыларбат; на туркменском языке гызыл – «красный»; арбат – «постояльный двор», «укрепление», «крепость»).

Понятно, что в батальоне резерва учиться нам уже было нечему, а в Афганистан нас могли отправить и оттуда. В Кизыл-Арват мы прибыли на поезде около двух часов ночи. Через час разместились в офицерском общежитии. В наших планах было поспать хотя бы пару часов, позавтракать и часам к восьми прийти в штаб полка, представиться командиру. Но в пять утра в общежитие прибежал посыльный и сказал, что нас срочно вызывают на плац. Мы ответили, что придем после завтрака. Через несколько минут прибежал какой-то полковник и покрыл нас матом. Это нам не понравилось, и мы не придумали ничего лучше, чем вернуться в свой родной батальон. А я смотался в Москву.

Мы встретились у Сан Саныча дома. Он сказал, что завтра будет в Кремле и решит этот вопрос. То, что в Кремле будут обсуждать проблемы какого-то лейтенанта, прозвучало довольно смешно. Но позднее оказалось, что на следующий день Сан Санычу вручали в Кремле какой-то орден и он действительно переговорил с заместителем министра обороны СССР по кадрам генералом армии Иваном Николаевичем Шкадовым, присутствовавшим на награждении.

Я почему-то думал, что получу от Сан Саныча инструкции, шифры, явки, парашют и буденовку. Но вместо этого получил визитку первого секретаря посольства СССР в ДРА Юрия Рудченко для экстренной связи. Пароль, с которым на меня при необходимости выйдет наш связной. И настоятельную просьбу от Сан Саныча никогда не забывать о профессиональной деформации.

– Сережа, в Афганистане после нескольких рейдов или засад наши солдаты и офицеры начинают забывать, зачем и для чего мы пришли в эту страну. Начинают воевать. Это и есть профессиональная деформация. Но мы пришли не воевать, а помогать нашим соседям, строить вместе с ними лучшую жизнь, укреплять дружбу и сотрудничество. Поэтому тебя и учат сейчас медицине для оказания помощи не только своим бойцам, но и местным жителям. Чтобы потом они вспоминали о тебе не только как о хорошем воине, но и как о человеке, который спас многих из них. А это важно, как о нас будут помнить. Никогда не забывай об этом! Каждый наш солдат и офицер в Афганистане – представитель Советского Союза! Это не только высокое звание, но и большая ответственность. И ты теперь тоже государственный человек. Поэтому должен думать как государственный человек. И действовать.

Хотя, как я должен действовать, мне было еще не совсем понятно. Но на первом этапе моя задача выглядела как-то несерьезно – всего лишь передать привет от Сан Саныча его другу Шафи. На мой вопросительный взгляд Сан Саныч улыбнулся:

– Восток – дело тонкое. И небыстрое. Очень важно, чтобы Шафи сам пошел на контакт с тобой. Поэтому не нужно ничего из себя изображать, просто будь собой. Твои дедушки, бабушки, родители и учителя вложили в тебя самое главное – умение думать, трудиться и созидать. Афганцы умеют это ценить. Поэтому выполняй задачи, которые будет ставить перед тобой твое армейское командование, береги своих бойцов и помогай местным жителям чем сможешь. А когда придет время, связной передаст тебе новые инструкции.

Афганистан

Я не сомневался, что Сан Саныч переговорит обо мне с Иваном Николаевичем Шкадовым. Оставалось только произвести расчет времени, необходимого для того, чтобы команда от него дошла до командира нашего батальона резерва. Вполне логично было предположить, что в пятницу Иван Николаевич после Кремля поедет домой или на дачу. И вся «движуха» начнется только в понедельник. Пока информация из Москвы придет в штаб округа, оттуда в наш батальон... По моим расчетам, раньше вторника появляться в Келяте смысла не было. К тому же мы сбежали из кизыларватского полка, и если я приеду в батальон раньше, чем на меня придет вызов, то могу попасть комбату под горячую руку. И быть расстрелянным за побег, дезертирство и измену Родине. А если меня расстреляют в понедельник, то как же я смогу совершить свои подвиги во вторник?

В общем, я приехал в Келяту во вторник утром. Оказалось, что со своими расчетами я немного ошибся. Генерал позвонил напрямую в штаб Туркестанского военного округа сразу же после посещения Кремля. В тот же день приказ срочно отправить меня в Ташкент был уже у нас в батальоне. К моему удивлению, меня ни за что не ругали (оказалось, что командир кизыларватского полка мудро решил не докладывать наверх о конфликте, который у нас произошел с ним, а доложил, что мы просто еще не приехали). Комбат вручил мне предписание прибыть в управление округа и проездные документы. Меня отвезли на машине до ашхабадского аэропорта. На самолете я долетел до Ташкента. И в тот же день прибыл в управление кадров округа.

Перед кабинетом кадровиков гуляли два лейтенанта. Нас запустили в кабинет всех вместе. На одном из столов лежали небольшие листочки бумаги, похожие на экзаменационные билеты. Как на экзаменах, лейтенанты подходили по очереди к столу, брали листочек, переворачивали его и докладывали кадровику содержание билета. Точнее, номер войсковой части, полевой почты и фамилию того, кого им предстояло заменить в Афганистане.

Подобная лотерея мне понравилась. Невольно подумалось, что у каждого из нас есть шанс вытащить билет со своей фамилией и своим домашним адресом. Но когда лейтенанты вышли из кабинета, кадровик вместо того, чтобы дать мне шанс вытянуть счастливый билет, просто достал из папки и протянул мне листочек с надписью: «180 мсп, п.п. 51884. Вместо офицера Егорова Сергея Андреевича».

– Полк стоит в Кабуле. Сейчас едете в Тузель на пересыльный пункт. Вылет завтра.

А после этого вручил мне предписание. Загранпаспорт с открытой визой я получил еще год назад. В батальоне резерва занятия с нами проводили офицеры, вернувшиеся из Афганистана. Они-то и подсказали, что на войну можно везти всю офицерскую форму и выбросить ее там, потому что ходить в ней не придется. Или не везти ничего, потому что там нам выдадут единую для всех солдат и офицеров экспериментальную форму – «афганку». Поэтому в этот раз багаж у меня был более чем скромный. И умещался не в двух огромных чемоданах, а в обычной спортивной сумке: портупея, смена нижнего белья, носки, умывальные и бритвенные принадлежности. А еще: две общие тетради, шариковые ручки, несколько конвертов без марок, самоучитель английского, краткий русско-дари разговорник, пакет с моими любимыми ирисками «Золотой ключик» и кое-что по мелочи. Свой чемодан «смерть носильщика» с офицерской формой я отправил домой еще год назад через проводника поезда Ташкент – Москва.

Пересыльный пункт оказался чем-то похожим на пионерский лагерь: медпункт, буфет, четыре двухэтажных общежития и почти ежедневная смена жителей этого небольшого островка «афганской» земли. Мой вылет планировался на девять утра. Но где-то под Кабулом обстреляли наш самолет. И все вылеты отложили на трое суток. Вскоре на пересылке скопилось несколько десятков офицеров и прапорщиков. Полупустые общежития наполнились шумом и гамом.

Границу открыли только на четвертый день. В восемнадцать тридцать мою фамилию зачитали среди вылетающих утром на Ил-76. Глажу свою повседневную форму, бреюсь, пишу письма маме и сестре. Завтра на войну. Не проспять бы. Но всю ночь в нашем номере народ травит анекдоты, рассказывает байки. Из двенадцати человек в нашей комнате спят только трое: прапорщик Слава из 180-го полка, капитан из штаба армии и летчик. Безуспешно пытаюсь уснуть и я.

В 4 утра подъем. Короткие сборы – и небольшие цепочки полусонных людей потянулись в сторону контрольно-пропускного пункта. Старенькие ЗИЛы, забитые нашей разношерстной командой, отбывают в аэропорт Южный. Длиннющая очередь на таможне. Перед нами регистрируется группа афганцев из ХАД (афганской госбезопасности) на Ил-18. Затем наш 76-й. Получаю «талон-вылет», заполняю его. И на взлетную полосу. Слышен голос командира экипажа: «...борг-стрелку занять свое место». Короткий взлет, и через полтора часа крутая посадка в Кабуле. Кабул встречает нас грязью и морозящим дождем, температура около плюс восемнадцати градусов. И это после плюс сорока в Ташкенте. Сказывается высокогорье.

Сдаем предписания и паспорта. Разбитый ПАЗ отвозит нас на самый край взлетно-посадочной полосы. Там находится центральная кабульская пересылка. Штаб, три одноэтажные сборно-щитовые казармы, две столовые, брезентовые палатки и кинотеатр «Ветерок» – несколько скамеек и белый экран под открытым небом. В кинотеатре каждый вечер – новый фильм: «Салют, Мария», «Эта настоящая мужская работа».

Инструктаж вновь прибывших: «На территории пересыльного пункта запрещается: ходить по центральной дорожке (чтобы не мозолить глаза командованию), нарушать форму одежды, ходить в спортивной форме, выходить из помещений после отбоя, покидать территорию пересыльного пункта». Добро пожаловать на войну!

Согласно предписанию мне нужно прибыть во второй батальон 180-го кабульского мотострелкового полка. Для этого необходимо съездить в Баграм, встать на партийный учет в штабе 108-й мотострелковой дивизии (это примерно в шестидесяти километрах севернее Кабула). Затем вернуться в столицу, представиться в полку. И снова вернуться в Баграм. Там располагается второй батальон. Мне еще повезло, что я не попал в третий батальон – он стоит под Джелалабадом. А это в несколько раз дальше.

По громкоговорителю на пересыльном пункте целый день одна и та же песня без музыки: «Лейтенанты... прапорщики... вылетающие в... срочно собраться с вещами у автомобильной стоянки». Наконец-то звучит моя фамилия. В Баграм летела большая партия молодых солдат, и я вылетел с ними.

Ан-12. Мое первое знакомство с ним было не самым приятным. Вы когда-нибудь летали в бочке с пропеллером? Падал вниз он точно так же. Правда, в отличие от бочки, мог еще и подниматься вверх. Крутой взлет, три круга над аэродромом для набора высоты и минут пятнадцать перелета. В Баграме меня никто не встречал. Не было ни цветов, ни музыки. Хорошо, что от аэродрома в сторону штаба дивизии ехал ГАЗ-66. Никак не могу поверить, что я уже на афганской земле. Изрытая, словно оспой, дорога. Пыльные кишлаки. В горах догорает закат. Кто-то торгует в дуканах, местных магазинчиках. Кто-то ковыряется на своих крохотных участках земли. Кто-то достраивает свой дувал (глинобитный забор), а кто-то наверняка готовит оружие к ночной смене. Даже не верится, что это уже не наша земля.

Добираюсь до штаба дивизии, но заходить уже поздно. Устраиваюсь в гостинице. Это сборно-щитовое одноэтажное здание, которое здесь называют модулем. Самое распространенное архитектурное творение на территории военных городков в Афганистане. В гостинице довольно уютно: свет, вода в душе, чистое белье. Возможно, и не пятизвездочный отель, но после пересыльного пункта чувствуешь себя почти как дома. Всю ночь над модулем ревели взлетающие штурмовики, за перевалом слышалась орудийная канонада и совсем рядом – автоматные очереди. Такая обычная домашняя обстановка.

Подъем в пять часов. А я-то надеялся, что на войне можно поспать до обеда. Ведь кроме обеда, я люблю только одну вещь – это поспать. Иду представляться командиру дивизии полковнику Виктору Михайловичу Барынькину. Но вместо комдива меня встречают старший прапорщик Володя и рядовой Слава. Заносят мою фамилию в списки учета личного состава и просят дождаться начальника разведки дивизии. Он где-то на боевых действиях и должен вернуться к вечеру. Но к вечеру он в штабе не появился. Зато у меня появилась возможность сходить в баню. Оказалось, что бани в Баграме – как в лучших домах Лондона и Парижа. Парилка, душ, бассейн. И стерильная чистота, которой могли бы позавидовать многие московские бани. После бани и небольшого застолья сосед по комнате подарил мне гранату Ф-1. Это хороший и правильный подарок. Кататься по Афганистану в повседневной форме и без оружия весело, но неуютно. Я чувствую себя королем. Королем, но голым. С чистой совестью и чистой спиной я сладко уснул, нежно обнимая рукой ребристую оболочку лучшего в мире подарка.

Начальник разведки дивизии майор Анатолий Николаевич Качан появился на следующий день после обеда. Больше часа вводил меня в курс дел. И рассказывал, что я должен буду принять под командование сторожевую заставу, расположенную на окраине кишлака Калагулай. В этом кишлаке сейчас проживает мой контакт Шафи.

Просто фантастика! Всю жизнь мечтал командовать сторожевой заставой. Если бы еще знать, что это такое. Ладно, разберемся. Мысленно я вспомнил все, что знал о Шафи. Обычный дехканин, проживающий в кишлаке Калагулай. Родился в провинции Нуристан («Страна света» на фарси). Хотя некоторые афганцы называют эти земли Кафиристаном – «Страной неверных». По национальности – грек, потомок воинов Александра Македонского, оставшихся на древнем Шелковом пути во время индийского похода. Когда Шафи было около двух лет, его семья перебралась в кишлак Калагулай под Чарикаром. Семья была богатой. На образование детей денег не жалели. В молодости Шафи учился в Оксфорде, занимался спортивной акробатикой. Затем работал врачом в Японии и Китае. Преподавал в кабульском политехническом институте. Ему сорок два года. Холодным и стрелковым оружием владеет в совершенстве. Эксперт в области джен-дзю-терапии. Близкий друг своего бывшего студента Ахмад Шаха Масуда, а ныне главаря крупнейшей банды в Панджшерском ущелье. Такой вот обычный житель кишлака Калагулай! Интересно, как и когда Шафи познакомился с Сан Санычем и начал работать на нашу разведку? И начал ли? Вопросов больше, чем ответов.

По словам Сан Саныча, я должен с ним встретиться, передать ему привет, наладить личный контакт и постараться стать его учеником – для чего это нужно, мне еще не совсем понятно.

Над столом начальника разведки висит плакат: «Человек, который хочет выполнить поставленную задачу, ищет пути и средства. Тот, кто не хочет, – ищет причины и отговорки». На душе сразу становится грустно. Похоже, здесь придется вкалывать до седьмого пота, чтобы выполнить поставленные задачи. Я бы лучше повесил на стене фотографию красивой девушки из ближайшего военного госпиталя.

Еще несколько часов я просидел в разведотделе. Знакомился с оперативной обстановкой, запоминал имена главарей бандформирований и их краткие характеристики, состав банд и их примерное расположение. Незаметно подкрадываются сумерки. Прожит еще один день. Оказывается, здесь каждый день за три!

На следующее утро в седьмом часу я был на баграмском перекрестке. Дежурный по контрольно-диспетчерскому пункту сообщает мне, что все машины на Кабул уже ушли. Ближайшая колонна будет только через неделю. В связи с началом праздника Курбан все передвижения автомобильной техники с 15 по 20 августа категорически запрещены. Что-то об этом вчера говорили в разведотделе. Надо было слушать внимательнее. Тем более что сегодня как раз 15-е число. Дежурный посоветовал добраться до аэродрома и поговорить с вертолетчиками. Их машины под приказ не попадали. Да и просто там мог оказаться попутный борт на Кабул.

И действительно, на Кабул был попутный рейс. Через Шиндант. Солидный крюк! Но мне повезло. В Кабуле не дали разрешение на посадку самолета советника, и он приземлился в Баграме. Через полчаса пришло разрешение. Договариваюсь с командиром экипажа. Командир дает добро. Поднимаюсь на борт. Пассажиры удивлены: вот из-за кого их посадили в Баграме. Ну что ж, людям свойственно заблуждаться. Я к их проблемам никакого отношения не имею.

Через пятнадцать минут самолет приземляется в Кабуле. В самом дальнем конце взлетно-посадочной полосы. На полпути меня подбирает уазик какого-то десантника. Он едет к штабу армии. Там где-то рядом находится мой 180-й мотострелковый полк.

Небольшие узкие улочки Кабула, по-восточному яркие и оживленные. В толпе мелькают европейские лица. Многие женщины не носят паранджу. Бегают ребятишки, качаются на деревянных качелях, крутятся на деревянных каруселях. В небе парят самолеты, отстреливая тепловые ловушки. Удивительно колоритное смешение века четырнадцатого и века двадцатого. Бросается в глаза военное одеяние города, царандой (милиция) у зданий с автоматами. Бронированные стрелковые ячейки, бронетранспортеры на перекрестках.

От штаба армии до полка рукой подать. Жалко, что нет рейсовых автобусов. Приходится ждать попутную машину. Полковой контрольно-пропускной пункт. Недалеко от штаба встречаю подполковника Аушева. Руслан Султанович старожил в полку. Уже второй раз в Афганистане. Недавно получил звание Героя Советского Союза. По словам начальника разведки дивизии, в полку он царь и бог. Полтора года назад у родителей моего друга Гены Левкина я совершенно случайно познакомился с его старшим братом Адамом. Руслан Султанович пристально смотрит на меня.

– Карпов?

Да, приятно, когда каждый встречный начальник штаба полка знает тебя в лицо.

– Так точно, товарищ подполковник. Лейтенант Карпов прибыл для прохождения дальнейшей службы.

– Хорошо. Иди представляйся командиру. Я завтра еду в Баграм, подброшу до КП (командного пункта) батальона. Сбор в шесть у КПП (контрольно-пропускного пункта). Без опозданий!

Трудно поверить, чтобы начальник штаба полка знал о том, куда нужно ехать младшим офицерам. Не его это уровень! И тем более заниматься частным извозом, развозить их к месту службы уж никак не входит в круг его обязанностей! Но в этом я ошибаюсь: Руслан Султанович действительно знает почти всех офицеров полка. В том числе и младших. Особенно в рейдовых подразделениях. А вот с частным извозом все гораздо проще – обычное везение. Его вызывают в штабдивизии, я – всего лишь попутный груз.

Представляюсь командиру полка и его заместителям. Сдаю предписание, получаю на вещевом складе полевую форму и иду устраиваться на ночь в общежитие. А утром на двух БМП мы выезжаем в Баграм. Продолжает действовать запрет на передвижение автомобильных колонн. К счастью, на «броню» он не распространяется. Дорога пустынна и спокойна. Через час с небольшим мы подъезжаем к кишлаку Чауни. На его окраине, в старинной крепости, расположена десятая сторожевая застава, командный пункт второго мотострелкового батальона нашего полка.

Да, мне продолжает везти. По моим расчетам, в батальоне я должен появиться не раньше двадцать третьего. Сегодня – шестнадцатое. Идем с опережением графика.

Неожиданный приезд Аушева никого не застает врасплох. Как всегда, без сбоев работает «солдатский телеграф» – кто-то из полковых связистов заранее сообщил о его приезде по засекречивающей аппаратуре связи. Командир батальона майор Миронов встречает нас у ворот крепости. Руслан Султанович поздравляет его с приездом какого-то майора Петухова. На несколько минут они отходят в сторону, о чем-то секретничают. И изредка посматривают на меня. Аушев начинает сердиться. Что-то не так в датском королевстве! Затем он запрюги-

вает на БМП, и машины уходят в сторону штаба дивизии. Комбат возвращается в крепость, на ходу бросив в мою сторону:

– Через десять минут.

Через десять минут Владимир Александрович уже на боевом посту. В большой панаме и шортах он лежит на плетеной деревянной кровати в тени крепостной стены. Таинственный майор Петухов – его заменщик. Сегодня утром он приехал в дивизию, следовательно, через пару дней будет здесь. Это значит, что для комбата война закончилась. Пустячок, конечно, а приятно!

Выясняется причина недовольства Руслана Султановича: два дня назад Шафи перебрался из кишлака Калагулай в кишлак Калашахи. Это семью километрами южнее. Причина неизвестна. Это путало все наши планы. Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Сергей Андреевич Егоров, на чье место я приехал, служит командиром взвода автоматических гранатометов. Его застава прикрывает штаб дивизии и кишлак Калагулай. Кишлак Калашахи совсем в другой стороне. Но это не проблема. Небольшая рокировка: одного из офицеров шестой мотострелковой роты переводят на место Сергея Егорова. А я еду в шестую роту.

Звучат два слова: «Шапко» и «Тотахан». Какая же маленькая деревня этот Афганистан! Все свои. Вместе с Женей Шапко мы занимались в батальоне резерва альпинизмом. Кто такой Тотахан, мне неизвестно. А комбат – выпускник нашего училища. Жалко, что он скоро уезжает, кремлевцев в дивизии не так-то и много.

Тотахан

На следующее утро уезжаю знакомиться с Тотаханом. Таинственный «Хан» оказывается горой в пяти километрах западнее хребта Зингар. И в девяти километрах южнее Баграма. Высота с отметкой 1641 метр. Восьмая сторожевая застава. На ней расположены командный пункт шестой роты и ее управление, второй мотострелковый взвод, экипаж танка Т-62, минометный расчет и станция радиоперехвата из дивизионного разведбата. Командует станцией старший прапорщик Витя Томчук по прозвищу Дед. Кроме него на станции служат: водитель ГАЗ-66, механик и три солдата-таджика.

Все постройки на заставе представляют собой нечто среднее между блиндажом и пещерой. Технология строительства очень простая – взрывным способом в горке пробиваются углубления, обкладываются камнем, перекрываются бревнами, досками и глиной. Таким способом на заставе построены казарма, продовольственный склад, склад боеприпасов и штабная землянка.

Особняком стоит ленинская комната. Самое капитальное и красивое помещение на заставе. Она полностью построена из глинобитных кирпичей. В ней есть даже окна, но находиться там опасно – от обстрелов она плохо защищена. По периметру заставы выложена небольшая, чуть больше метра высотой, стена из камней. Вдоль этой стены оборудованы СПС (стрелково-пулеметные сооружения). Там в деревянных ящиках из-под патронов хранится дежурный запас боеприпасов: патроны в пачках к автомату или пулемету, две наступательные гранаты РГД-5 и две оборонительные Ф-1. На северной вершине горы, на небольшом скальном утесе, расположен первый пост. На южной окраине у танка – пятый пост. Оба они круглосточные. Еще три-четыре поста выставляются только ночью.

Командир роты капитан Юрий Иванович Игнатенко кажется мне слишком взрослым, даже старым. Ему около тридцати. Подписан приказ о его переводе на вышестоящую должность. Через неделю ему уезжать.

Ротный приказывает мне принять заставу и Женькин взвод. Три боевые машины пехоты БМП-2, танк Т-62, ПКП (14,5-миллиметровый пехотный крупнокалиберный пулемет на станке Харькина), 82-миллиметровый миномет и стрелковое оружие. А еще прожектор, переносную станцию наземной разведки ПСНР-5, трубу зенитную командирскую ТЗК-20 с прекрасной оптикой и двадцатикратным увеличением, установленную на первом посту (это довольно странно, ведь в технической литературе я встречал только описание ТЗК с десятикратным увеличением и лишь у пограничников была пятнадцатикратная «труба»). Многие из моих сержантов с высшим образованием. И нужно быть совсем слепым, чтобы не понять, что непростая эта застава.

Севернее, в трехстах метрах от нас, находится выносной пост, или восьмая «а» сторожевая застава (гранатометно-пулеметный взвод). В двух километрах западнее – девятая застава (1 мсв) и в двух километрах юго-восточнее – двадцать вторая застава (3 мсв). На востоке расстилается степь Татарангзар. Она тянется до самого хребта Зингар. Под нами течет речка Барикав. Летом ее можно перешагнуть, не замочив ног. За речкой – кишлак Калашахи.

Место удивительно тихое, спокойное. Правда, на прошлой неделе из гранатомета духи подбили одну из Женькиных боевых машин пехоты (благо, что она осталась на ходу). Да семьдесят реактивных снарядов залетело на заставу. Верится в это как-то с трудом, но дырка от кумулятивной гранаты в башне одной из машин вполне реальна. Да и горка, усыпанная осколками реактивных снарядов, совсем не кажется миражом. Тут еще Женька порадовал, что у местных жителей есть одна забавная традиция: любят они по ночам устанавливать на ближайших дорогах противотанковые мины. Час от часу не легче! Уж лучше бы они своих женщин любили по ночам.

Принимаю взвод. Разбираюсь с оружием, техникой, имуществом и личным составом. Хорошо еще, что боеприпасы считать не надо – ими забит весь артсклад, точнее, блиндаж, который мы называем артскладом. Там хранятся боекомплекты к стрелковому оружию и танку. Мины к миномету сложены штабелями на огневой позиции.

После обеда с разрешения командира роты на двух боевых машинах пехоты едем с Женькой в небольшой безымянный кишлак за дровами и кирпичом. Кишлак необитаем. Жители покинули его несколько лет назад. Не успеваем мы подъехать к ближайшему дувалу, как откуда-то издалека прилетает реактивная противотанковая граната. В развалинах скрываются духи. Правда, не столь безобидные, как наши домовые или лешие. Здешние духи – существа абсолютно реальные. И совсем не безобидные. Их называют духами или душманами. В переводе с арабского душман – «враг», «злоумышленник». В переводе с таджикского – «злая мысль». Вот и приходится нам принимать необходимые меры предосторожности не только от врагов, но и от их злых мыслей. Дальше все проходит спокойно. Бойцы загружают десантные отсеки БМП глиняными необожженными кирпичами, собранными в развалинах. Сверху закрепляют бревна. Женька планировал построить на заставе баню, теперь этим строительством предстоит заниматься мне.

Обратно возвращаемся без приключений. На заставе новый человек. В гости пришел Хасан, командир отряда самообороны из ближайшего кишлака. Пришел знакомиться с новым командиром. В руках у него крошечный комок – маленький серый котенок. Бакшиш, подарок новому командиру. Новый командир, кажется, я. Значит, и подарок мне. Я уже заметил, что в кишлаках много собак. В основном бездомных. При виде советских солдат они начинают сходить с ума от злости. Оказалось, что много собак и на заставах. Их подкармливают наши солдаты. Такой же лютой ненавистью эти собаки встречают афганцев. Думается, что люди относятся друг к другу куда более терпимо. Но самое забавное – похоже, это одни и те же собаки. Только каждый раз они ненавидят разных людей: афганцев либо солдат. Все зависит от того места, где эти собаки находятся в данный момент. Словно они участвуют в каком-то спектакле. Кошки встречаются в кишлаках крайне редко. Очень жарко. У кошек мало молока. И когда появляются маленькие котята, кошка-мама может накормить их только раз-другой. Затем молоко заканчивается, и котята больно кусают соски. И тогда кошка их бросает. Выживают немногие.

Подарок очень приятный. И очень пушистый. Мне не приходилось слышать, чтобы кому-то здесь дарили котят. Я тронут до самого сердца. Хасан приглашает посетить его кишлак. И я обещаю прийти к нему в гости в ближайшие дни. Хасан уходит довольный. Видит, что подарок его очень понравился.

Ну, вот и начал я обзаводиться хозяйством. Если все будет хорошо, к осени и корову купим. Будем молочко пить. И будет у нас в Простоквашино все тип-топ. Кстати, чем-то надо накормить и нашего дикого африканского кота. Конечно, дикого африканского, а как еще можно назвать кота, который летает по землянке, как по саванне, кусается и царапается.

Развожу в миске немного сгущенного молока с водой. Дважды приглашать котенка не приходится. Он вылизывает все до последней капли и засыпает на моей кровати в нашей штабной землянке. Или в канцелярии, как мы ее торжественно называем. Кстати, землянку эту построил Хасан, когда прятался от духов на нашей заставе. Построил в одиночку, в благодарность за хлеб и приют. Я подписываю акты приема-передачи оружия и техники, а также рапорт о принятии дел и должности командира взвода. А вечером Женька уезжает.

Но поход в гости к Хасану приходится отложить на неопределенный срок. На следующий день начинается дивизионная операция по прочесыванию баграмской «зеленки». «Зеленкой» здесь называют нечто среднее между кишлаками, местностью и виноградниками.

На нашей заставе развертывают командный пункт батальона. И два комбата, майор Миронов и его заменик майор Петухов, занимают нашу канцелярию. Ротного и его замести-

теля, Олега Артюхова, переселяют в казарму. А мне приказывают взять одно отделение из батальонного разведвзвода, приехавшего вместе с комбатами, и четырех своих бойцов, чтобы освободить несколько кроватей в казарме. Беру с собой своего заместителя сержанта Нигмата Хашимова, командира танкового экипажа сержанта Игоря Минкина, рядовых Медведева и Сережу Багрия.

Наша задача – занять оборону на соседней горке, перекрыть караванную тропу и прикрыть наш фланг. Выходим в сумерках, занимаем горку, маскируемся. С нашей стороны хорошо видны скрытые подступы к Тотахану. По возвращении надо будет подумать над их прикрытием.

День проходит спокойно. Лишь под вечер два вертолета зависают над девятой сторожевой заставой. Ничего не понятно до тех пор, пока они не открывают огонь по заставе. Неуправляемыми реактивными снарядами. В эфире слышен мат старшего техника роты прапорщика Скворцова. Судя по всему, он собирается врезать по вертолетам из тридцатимиллиметровой пушки БМП-2. Ротный его еле успокаивает. Вертолетчики по ошибке обстреляли своих. Один боец тяжело ранен. Сережа Плотников, командир взвода, отвозит его в медсанбат.

Перед самым рассветом ко мне подползает Нигмат Хашимов.

– Товарищ лейтенант, верблюды.

Я ничего не слышу, но сомневаться в своем заместителе у меня нет ни малейшего повода. Я подаю команду «Приготовиться!» и запускаю осветительную ракету вниз. В сторону, указанную Нигматом. Если осветительную ракету запустить вверх, те, кто захочет, успеют укрыться. Когда же ракета летит тебе в лицо, она оказывает столь ошеломляющее действие, что ты забываешь обо всем на свете. В том числе и о том, в какую игру сегодня играешь. В войну или в прятки.

Прямо под нами, метрах в сорока, застывает небольшая группа: два верблюда и четверо вооруженных людей. У них под ногами горит моя ракета. Мы открываем огонь. В ответ ни выстрела. Что самое удивительное, верблюды остаются целыми. Стремительными ланями они убегают в сторону кишлака Калагудир. Духи остаются на месте.

На рассвете с группой разведчиков я спускаюсь к ним. В каждом несколько пулевых отверстий. Раненых нет. Подбираем три автомата и один «Бур», английскую винтовку. О результатах боя докладываю на Тотахан. Оба комбата довольны – это действительно большая удача. Обещают представить отличившихся к правительственным наградам. Я же прошу связаться с Хасаном, чтобы прислал своих людей похоронить погибших. У афганцев это нужно сделать в день смерти. От восхода и до заката солнца. Обычай есть обычай. Мы ничего против не имеем. Теперь это не душманы. Просто погибшие люди.

Последующие дни ничем особым не запомнились. Душманы периодически обстреливали Тотахан из миномета. Мстили за погибших. Истинные виновники их гибели, то есть мы, сидели в стороне. По духовским минометчикам работала наша артиллерия, штурмовики и вертолеты огневой поддержки. Работали от души. Огневая мощь просто потрясала. Но думаю, что и у духов на орехи доставалось не минометчикам, а кому-нибудь другому.

Двадцать восьмого августа война заканчивается. Мы возвращаемся на заставу. Домой. Комбаты уезжают на КП батальона. На меня впервые пишут наградной. Обычно за хорошую работу меня просто хорошо кормили. Здесь хорошо кормят независимо от работы. Невольно закрадывается крамольная мысль: раз кормят и так, может, не стоит и геройствовать? Мысль заманчивая. Но меня впервые представляют к правительственной награде. Целый день я сияю от гордости как начищенный медный чайник.

Наверное, потому что это первая награда, к которой меня представляют.

Наградной лист

Ф. И. О.: Карпов Сергей Иванович.

Воинское звание (для офицеров – личный номер): лейтенант, Р-880276.

Должность: командир МСВ с августа 1986 года.

Год и место рождения: 1964 год.

Национальность: русский.

Партийность: член КПСС с января 1984 года.

Участие в боевых действиях по защите СССР: нет.

Ранения, контузии (когда и где получены): нет.

В Вооруженных силах СССР: с августа 1981 года.

Какими правительственными наградами награждался ранее: не награждался.

Домашний адрес представляемого к награждению или его семьи.

За какие заслуги представляется к награде:

В ДРА с августа 1986 года. Зарекомендовал себя с положительной стороны. Принимал участие в одной рейдовой операции по уничтожению бандформирований мятежников.

23 августа 1986 года, находясь с разведывательным подразделением в засаде на боевой операции по уничтожению мятежников в зеленой зоне Карабаг, старший лейтенант Карпов Сергей Иванович обнаружил банду и открыл огонь. Умело выбрав позицию, взвод старшего лейтенанта Карпова С.И. нанес противнику внезапный прицельный удар. В результате чего было уничтожено четыре мятежника. Захвачено три автомата и один «Бур». Двух мятежников старший лейтенант Карпов С.И. уничтожил лично.

Вывод: за мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга в ДРА, достоин награждения медалью «За отвагу».

Командир 6 МСР капитан Игнатенко.

Командир 2 МСБ майор Петухов.

К медалям «За боевые заслуги» представлены сержанты Нигмат Хашимов и Игорь Минкин, рядовые Багрий и Медведев. Ротный отвез представления на КП батальона, подписал их у командира батальона. Но затем к ротному подошел замполит батальона:

– Вы что, совсем очумели! Карпов еще и месяца не прослужил в Афгане, а вы уже его награждаете.

Достал мое представление из стопки бумаг и порвал на глазах у изумленного ротного. Наверное, он был прав. Слишком рано. Представления на моих бойцов затерялись где-то в полку.

Первоочередные задачи

Два моих родных дяди – участники Великой Отечественной войны. Федор Леонтьевич Коледа после войны работал столяром, руки у него золотые. А еще он очень хороший рыбак – никогда не возвращается с рыбалки без улова. Он научил меня не спешить забрасывать удочку, а сначала узнать, на что ловят другие рыбаки. Изучить водоем и привычки его обитателей. Понаблюдать за рыбой и всегда помнить, что рыба тоже наблюдает за рыбаками.

А войсковой разведчик Валентин Дмитриевич Сычугов после войны работал лесником в Завидовском заповеднике. Сколько мы с ним посадили саженцев сосен, даже представить трудно! По его словам, лес не любит шума. Но любит хорошие, добрые дела.

Поэтому я пока не спешу командовать своими бойцами. Больше наблюдаю, стараюсь вникнуть в происходящее вокруг меня. Все-таки здорово, что я не сразу после выпуска из училища прилетел в Афганистан, а лишь год спустя. И принял заставу не молодым безусым лейтенантом, а уже старым, двадцатиоднолетним. В таком возрасте и один год много значит. И очень хорошо, что в школьные годы я успел поработать помощником слесаря в совхозе, транспортником на комбинате «Химволокно», штукатуром-плиточником на стройке (в школьном учебно-производственном комбинате). Все это было хорошей школой не только трудового воспитания, но и общения с очень разными людьми.

И своего заместителя сержанта Хашимова я взял с собой в засаду не просто так – мне было интересно понаблюдать за нашей заставой со стороны, как она будет управляться без нас. Да и познакомиться с Нигматом хотелось поближе. А в боевой обстановке это происходит гораздо лучше и быстрее, чем в обычной повседневной жизни.

Оказалось, что Нигмат родом из Узбекистана. Ему скоро исполнится двадцать семь лет, он окончил Ташкентский государственный университет, работал учителем русского языка, женат, и у него растет дочка. Очень хочет поскорее их увидеть. Хороший и очень толковый мне достался заместитель. И застава в наше отсутствие жила как в песне поется: «Отряд не заметил потери бойца». Просто вместо меня заставой командовал наш замкомроты Олег Артюхов, а взводом – санинструктор роты сержант Алишер Разаков. Приятно было узнать, что Женя Шапко так хорошо подготовил своих сержантов. Ведь в Афганистане это часто было проблемой, когда после тяжелого ранения или гибели командира подразделение становилось неуправляемым, а значит, несло неоправданно большие потери.

Но работы впереди предстоит много. Во-первых, нужно изменить систему обороны и разобраться с секторами стрельбы. Невысокая стенка из камней с бойницами, выложенная по периметру заставы, довольно хлипкая и едва выдержит хотя бы одно прямое попадание реактивного снаряда, которые частенько залетают на нашу заставу. Нужно заузить бойницы и по горизонтали, и по вертикали, чтобы каждый боец мог вести стрельбу в своих секторах (основном и дополнительном) не только днем, но и ночью без использования ночного прицела (у нас только один НСПУ на всю заставу).

Стенку между позициями нужно поднимать и усиливать. А главное, вместо одиночных стрелково-пулеметных сооружений нужно оборудовать долговременные огневые точки из расчета на трех человек. На каждой позиции сделать хороший запас боеприпасов. То, что там сейчас лежит в ящиках, – курам на смех. Практически все оборонительные гранаты с артсклада нужно разместить на позициях. В горах против тех, кто находится ниже тебя, они – лучшее оружие. И патронов добавить, чтобы в бою не бегать за ними под огнем противника.

Минометную позицию необходимо обложить камнями со всех сторон. Часть мин убрать с позиции на склад – негоже все «яйца» хранить в одном месте. А также надо хорошенько прогуляться вокруг заставы – изучить местность на предмет скрытых подступов и непросматриваемых мест. И разобраться с минными полями, если они есть. Это работы первой очереди.

Но еще важнее – разобраться с ночными обстрелами, когда душманы запускают реактивные снаряды не только по нашим заставам, но и по штабу дивизии и по баграмскому аэродрому.

С первых же дней пребывания на заставе я заметил, что душманы редко обстреливали нас со стороны степи Татарангзар. Потому что при их обнаружении шансов спастись в степи у них практически не было. Чаще они запускали реактивные снаряды из «зеленки». В сумерках устанавливали их на камни в непосредственной близости от мирных кишлаков. Как только темнело, проводили пуски и сразу же уходили. В темноте мы не могли точно накрыть эту огневую позицию. Да и не было там уже никого. Но шальным снарядом или миной могли попасть в мирный кишлак и кого-нибудь зацепить. А это значило, что ряды душманов скоро пополнятся.

Эту же методику душманы использовали и во время обстрела наших сторожевых застав из минометов, реактивных гранатометов, безоткатных орудий и из стрелкового оружия.

Решение этой задачи было архиважным. Пока я не знал, как к ней подступиться. Но хорошо помнил слова Сан Саныча, что любая проблема не приговор, а лишь задача, которую нужно постараться решить. И я был уверен, что решу ее. А пока все стрелковые тренировки мы стали проводить исключительно в направлении степи Татарангзар, где не было ни одного кишлака.

За всеми этими делами и заботами я смог исполнить свое обещание и посетить Хасана только 1 сентября. Нужно искать Шафи. Выходить с ним на контакт. Прекращать воевать. И начинать работать.

Четыре одиночных выстрела из автомата в небо – сигнал Хасану. Одновременно с выстрелами вместе с переводчиком со станции радиоперехвата мы начали спуск с горы. Я не хотел, чтобы местные догадались, что я владею фарси. Поэтому взял с собой переводчика. Считал, что будет лучше, если сделаю вид, что пытаюсь его выучить, – при каждой встрече с местными жителями буду «запоминать» по два-три новых слова. И им будет приятно, что я учу их язык. И больше информации получу, если они будут думать, что я не знаю фарси.

Хасан встретил нас на окраине кишлака. Он доволен – командир не обманул, пришел в гости. Здороваясь, интересуюсь его здоровьем. Протягиваю небольшую коробку с медикаментами – это подарок. В коробке бинты, йод, витамины. Ничего особенного, но для афганцев медикаменты большая ценность. Вдвойне большая ценность эта коробка для Хасана. Командир-шурави проявил уважение к командиру местного отряда самообороны. На глазах у старейшин. Это дорогого стоит!

Кишлак совсем небольшой – с десятков крепостей да несколько глинобитных построек. Но крепости поражают размерами. Для жителей кишлака Калашахи это такие же обычные дома, как и любые другие. Но в отличие от других кишлаков с их теснотой и грязью здесь совсем другая планета. Возможно, сказывается смешение племен и традиций. Здесь проживают не только пуштуны с их кочевым образом жизни, таджики и хазарейцы. Но и нуристанцы, которые из поколения в поколение строят крепости. Высокие, до шести метров, глинобитные стены. Толщина их около метра. Даже из танковой пушки пробить такую стену не всегда удастся.

По углам крепости – трех- или четырехэтажные сторожевые башни. По внутренней стороне стены – одноэтажные или двухэтажные жилые постройки из необожженного кирпича. Как правило, расположены они буквой «П».

На первом этаже обычно располагаются подсобные помещения, кухня и некое подобие гостиной – что-то среднее между столовой и залом для приема гостей. Пол в этой комнате застлан циновками, а иногда и коврами. К гостиной примыкает несколько внутренних помещений. В них живут летом, когда глинобитные стены не дают проникнуть в дом изнурительной жары и зною.

На втором этаже находятся спальни и комнаты для зимнего проживания. Как правило, они расположены прямо над кухней. На кухне открытая печь для приготовления пищи. Вытяж-

ной трубы нет. Вместо нее – множество небольших дымоходов. Ими пронизаны все внутренние стены крепости. Они распределяют теплый воздух по комнатам и одновременно являются мощным теплоносителем. Дом похож на большой и живой организм. Ничего удивительного в том, что афганцы так к нему и относятся. К тому же они считают, что в доме живет множество различных существ, добрых и не очень, – шишаков, мадариалов, дивов. Это накладывает определенный отпечаток на взаимоотношения между домом и его жильцами. Так, суеверный афганец никогда не войдет в дом с левой ноги. И, входя в комнату, не поленится произнести: «Инша-Аллах» («Если того пожелает Аллах»). Так, на всякий случай.

В дальнем углу крепости расположен загон для скота. Недалеко от кухни – большой колодец. Он называется кяризом и предназначен не только для обеспечения дома питьевой водой, но и используется в качестве подземного хода. В нескольких метрах от крепости протекает арык. Общая площадь крепости – около четырехсот квадратных метров. Живет в ней, как правило, одна семья. Такие вот жилищные условия у жителей кишлака Калашахи.

Нас окружает толпа ребятишек. Они держатся на расстоянии. Я подзываю старшего, мальчугана лет восьми. Через переводчика спрашиваю, как его зовут. Мальчика зовут Абдул. Протягиваю ему горсть ирисок «Золотой ключик». Прошу разделить конфеты между ребятишками поровну. Абдул с гордым видом уходит к ребятам, там моментально возникают шум и гомон. Я знаю, что сейчас важно не переиграть. За мною следят десятки глаз. Добиться уважения афганцев крайне сложно. На это может уйти не один день. А потерять его можно в один миг. И навсегда. Но я также знаю, что афганцы очень любят детей. Не учитывать это нельзя.

Мы заходим с Хасаном на пост самообороны. Это старинная крепость на окраине кишлака. Знакомлюсь с его четырьмя бойцами. Хасан называет их сарбозами – солдатами, но ополченцы поправляют своего командира: «Мы аскеры (герои)». Вид у этих героев достаточно жалкий. Интересно, почему, в отличие от ополченцев, душманы выглядят так грозно? У меня закрадывается подозрение, что при появлении духов отряд Хасана разбежится в одно мгновение.

Я прошу собрать старейшин. Ждать их приходится недолго. Старикам и самим интересно, зачем я пришел. Мы садимся пить чай. За чаем любая беседа течет легче. А разговор предстоит серьезный. Душманы продолжают минировать дорогу между Тотаханом и девятой сторожевой заставой. Прямо под носом у поста самообороны. На этой неделе там подорвалась одна машина из дивизии и одна БМП с девятой заставы. С этим надо что-то делать.

Старики смотрят на меня настороженно и молчат. Я начал разговор издали. Как узор старинного персидского ковра, он вилял красочно и пестро. И только ковродел знал, каков будет его рисунок. Есть такое понятие – «восточный базар», о котором рассказал мне Сан Саныч. Это когда покупатель заходит в лавку (дуكان, или духан по-местному) и спрашивает цену приглянувшейся вещи. Дуكانщик не продаст товар такому покупателю. Или продаст втридорога. Потому что это плохой покупатель и плохой человек. Ведь хороший покупатель сначала поздоровается, поинтересуется здоровьем. Спросит, как обстоят дела, как идет торговля. Пожелает удачи и поделится новостями большого мира. Вечером дуكانщик расскажет эти новости своей жене. Жена приготовит вкусный ужин и всю ночь будет любить своего мужа горячо и страстно. Потому что нельзя не любить такого умного и знающего мужа. А утром, набирая из арыка воду в кувшин, она расскажет услышанные новости своим подругам и соседкам, которые будут удивленно цокать языками и завистливо смотреть ей вслед.

За этот взгляд, за вкусный ужин, за жаркие страстные ночи дуكانщик предложит покупателю самую низкую цену. А потом поторгует ее и снизит еще немного. Ибо так принято на Востоке. И останется с прибылью. Ведь без прибыли нет торговли. В стране, где нет телевидения и радио, а газеты продаются лишь в столице, новости можно узнать только от путников. Для хороших путников всегда открыта дверь дукана.

Я поздоровался с аксакалами. Рассказал о себе и о последних новостях в мире. Взгляды стариков начали постепенно оттаивать. Я был «правильным покупателем». Знал их обычаи. И не называл аксакалов саксаулами. Постепенно разговор оживился и перешел на дела насущные. Переводчик со станции радиоперехвата только успевал переводить. Я заговорил о минах. Мне объяснили, что мины устанавливают душманы. Возможно, душманами были именно эти старики, но только ночью. Не днем. Как оборотни, они меняли свое обличье в зависимости от времени суток. Но говорить с ними на эту тему было бесполезно.

Оборотня словом не убьешь. Были у меня сомнения насчет чеснока и осиновых кольев. Чтобы бороться с оборотнем, нужно самому стать оборотнем. Я прикинулся овечкой. Сказал, что человек я новый и с душманами пока едва ли справлюсь. Поэтому дорогу придется охранять. Либо афганцам, либо нам, шурави. Они спросили: «В чем разница?» Разницы практически не было. Если дорогу будут охранять афганцы, ею будут пользоваться афганцы и шурави. Если дорогу будут охранять наши сторожевые посты, проход для афганцев по этой дороге будет закрыт. Им придется ходить в обход.

Под шкурой беззащитной овечки блеснули клыки. Старики это сразу почувствовали. Почувствовали силу. Силу они уважали. Все это было военной хитростью. Я не мог запретить афганцам пользоваться дорогой. Не имел такого права. К счастью, они этого не знали. Но то, что с моим появлением на Тотахане прекратились случайные обстрелы мирных кишлаков с нашей стороны, они заметили сразу. Это было самым важным аргументом.

К тому же старейшины прикинули, что им выгоднее: установка мин или кратчайшая дорога к соседнему кишлаку. Дорога была важнее. Вопрос с минами был улажен. Мы расходились, довольные друг другом. Я не перегнул палку: ведь чужестранец не мог ничего приказывать гордым и свободолюбивым афганцам. Решение было принято старейшинами. Просто я подвел их к нужному решению. Старики это прекрасно поняли. Они ненавидели чужестранцев, но уважали сильную руку и сильную власть.

Я попрощался со старейшинами. Понятно, что запретить душманам минирование дороги им было не по силам. Но они могли организовать наблюдение за дорогой, а это уже немало. Когда старейшины ушли, я уточнил задачу Хасану. Сказал, чтобы его аскеры тоже усилили наблюдение за дорогой. Самим в огневой контакт не вступать. Но при обнаружении людей, минирующих дорогу, перед рассветом следующего дня вот в этом окне должна появиться его лампа (мы выбрали с ним окно, горящую лампу в котором будет видно только с нашей горки). Если они проспят и на дороге появятся мины, все жители кишлака будут ходить в обход.

Когда я собрался уходить, Хасан осторожно взял меня за руку:

– Командиру надо увидеться с одним человеком. С очень уважаемым человеком.

Из его сбивчивых объяснений я понял, что этот человек – хозяин кишлака. Неужели настоящий бай? Но это было не так важно. Главное, что я все еще не встретил Шафи. Ни один из старейшин не подходил под данное мне описание. Мы подошли к одной из крепостей. Она заметно отличалась от других. Каким-то неуловимым изяществом. Мы вошли во двор. Мужчина атлетического телосложения средних лет устанавливал новый тандыр (печь в виде большого глиняного кувшина для выпечки лепешек). Светло-коричневая длинная рубаха, аккуратная скандинавская борода. Не узнать его было невозможно. Это был Шафи. Он задумчиво посмотрел в нашу сторону. Вытер руки о рубаху. Пригласил в дом.

Меня впервые в жизни называли сайбом – господином. Но я не заблуждался на этот счет. Здесь очень важна была интонация. Еще в Москве я обратил внимание, что в штабах служат три категории полковников: «Товарищи Полковники» (их звания и фамилии произносят с подобострастием), «товарищи полковники» (просто полковники) и «эй-полковники». Судя по интонации Шафи, я для него просто полковник. Обращается он ко мне с уважением, которое обычно оказывается гостям, но без подобострастия.

Мы познакомились. Перебросились парой фраз. Я понимал, что при Хасане поговорить нам не удастся, и вскоре начал собираться на заставу. Мы вышли во двор. В глаза бросилось, что рядом с тандыром лежат какие-то заготовки. Мне было интересно, что это такое. Шафи объяснил, что это заготовки ножей. Я спросил, могу ли посмотреть, как их делают (мне нужен был повод для того, чтобы прийти снова). Шафи кивнул в знак согласия. Почему бы нет? Затем из кучи достал полоску металла от гильзы танкового снаряда и дощечку от снарядного ящика. Протянул их мне.

– Я хочу посмотреть, какие ножи делают в России.

Все получилось достаточно правдоподобно. Любопытный шурави напросился в гости к самому богатому человеку в кишлаке. Не будет же он проситься в гости к бедному дехканину. К дехканину можно прийти и без приглашения.

И Шафи не уронил своего достоинства. Одной фразой дал понять, кто в кишлаке настоящий хозяин. Вот тебе и агентурный контакт! Тот еще жук этот Шафи. Все получилось достаточно естественно. Хотя я прекрасно понимаю, что хороший экспромт – это заранее подготовленный экспромт. Меня ждали в этом доме. Да и заготовки ножей едва ли просто так валяются во дворах афганских крепостей. Все эти мелочи просчитаны заранее. Не так-то прост этот Шафи.

Мы прощаемся. Когда Хасан и мой переводчик выходят из крепости, я задерживаюсь на мгновение и передаю Шафи привет от Сан Саныча. На английском языке. Шафи с улыбкой кивает мне в ответ. Свою первую задачу я выполнил.

Но сегодня у меня есть еще одно важное и неотложное дело. Нужно дать имя моему другу – дикому африканскому коту. С этим у афганцев все очень просто. У каждого человека есть имя, но детей по именам называть нежелательно. Особенно при посторонних. Если прозвучит имя ребенка, его услышит шайтан. А это может привести к беде. Поэтому детей называют просто «бача» – мальчик, ребенок. Или дают прозвище.

Вот и Хасанову подарку я даю имя Пищак – на фарси это просто кот. Теперь у моего друга есть имя. Когда я развожу в тарелке немного сгущенного молока, он прилетает откуда-то из-под кровати еще до того, как я пытаюсь позвать его по имени. Но имя ему нравится. Это видно по тому, как сладко он засыпает вечером на моем одеяле. Так может спать только кот, у которого теперь есть Имя.

Вечером выхожу на связь с девятой заставой. Там находится наш старший техник роты. Прошу его передать мне с оказией какой-нибудь инструмент по металлу. У нас в ЗИПе (запасные инструменты и принадлежности) боевых машин пехоты только гаечные ключи, молотки да всякий хлам. Этого явно недостаточно для изготовления ножа. Пока нет инструмента, из дощечки пытаюсь выстрогать его рукоятку.

Вечера на Тотыхане короткие. В горах вообще темнеет быстро. Только что легкий туман укрыл речку Барикав, что течет у подножия нашей горы. Сумерки прокрались в Калашахи. А вот уже и ночь на пороге. Миллионы звезд вспыхивают над головой. Такого их количества я не видел никогда в жизни. Через час все вокруг освещает огромный диск луны. Тени удлиняются. Все приобретает какой-то фантастический, сказочный вид. Трассирующие пули перечеркивают небосвод. Они кажутся совершенно безобидными. И летят навстречу падающим звездам. В начале сентября здесь всегда звездопад. Удивительно! Небо дарит нам звезды. Люди отвечают пулями.

Ночью с дежурным по заставе Игорем Минкиным проверяем посты. Спать совсем не хочется. И мы подолгу задерживаемся у каждого часового. По уставу часовым разговаривать запрещено, но караульная служба на заставе организована по особым правилам: часовые перекликаются друг с другом и с удовольствием присоединяются к нашему разговору. Вместе веселее. И не так страшно.

К тому же ночью люди более открыты, легче идут на контакт, раскрываются. У машины радиоперехвата слышатся голоса. Там тоже не спят. Подходим ближе. Командир станции Витя Томчук и его механик обсуждают какую-то «полетевшую абэшку». Оказывается, у них сломался генератор. Если завтра они его отремонтируют, то могут подарить нам море света. В голове у меня немедленно возникают картины освещенных улиц и проспектов, рекламных щитов и ярких витрин. Но, увы, через мгновение выясняется, что море света умещается в одной маленькой сорокаваттной лампочке, которую можно будет повесить в канцелярии роты.

Вы даже не представляете, какая это роскошь – электрическая лампочка. Конечно же, в полку свет есть. Есть он в больших городах. И возможно, на Марсе. Вот только на заставах света нет. На очень многих. И я понимаю, что эта лампочка – не только подарок в честь моего приезда на заставу, но и награда за выход на связь с Шафи. Второе более правдоподобно.

Ближе к полуночи на выносном посту начинается война. Гранатометно-пулеметный взвод прапорщика Иванищева несколько минут ведет интенсивный огонь во все стороны. Окажется, это лишь проверка боевой готовности.

Понять Андрея Иванищева можно. Наша застава, численностью около сорока человек, расположена на высокой горке. У нас командный пункт роты, вооружение посерьезнее, чем у него, в хорошие времена на заставе находятся три офицера и один прапорщик. Понятно, что в Афганистане безопасность – понятие относительное. Но на Тотыхане как-то спокойнее, чем у него на выносном посту, расположенном на небольшом бугорке. Там духи могут подобраться с любой стороны и просто вырезать заставу. У Андрея всего с десяток бойцов, из вооружения – гранатомет АГС-17 и пулемет «Утес». Служить на выносном посту страшно. Поэтому и вся эта стрельба.

На следующее утро иду знакомиться со своей заставой. С этого начинается каждое мое утро. Беру с собой автомат, две гранаты и саперный щуп. Под первым постом обнаруживаю небольшую пещеру. В ней живет семейство дикобразов. Они недовольны моим появлением. Шипят, сердятся. В мою сторону летит несколько игл. Говорят, что они ядовиты. На самом деле все гораздо проще. Иглы полые внутри, в них скапливаются различные микробы. Если поцарапаться такой иглой, в рану попадет инфекция. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По словам ротного, минных полей вокруг заставы нет. Но недалеко от пещеры мне попадает на глаза растяжка – граната Ф-1 с проржавевшей насквозь проволокой. И две противопехотные мины нажимного действия. Это наверняка не все. Минные поля есть. Нет только схем установки и закрепления минных полей – для Афганистана явление довольно распространенное.

В подтверждение моих мыслей недалеко от Зубов Дракона (так я называю две небольшие скалы на южном склоне горы) обнаруживается могила нашего солдата, по словам ротного, подорвавшегося на нашей же mine. Тело отправлено в Союз, фанерной звездой и небольшой каменной насыпью обозначено место подрыва. Под звездой небольшая надпись: «(Фамилия смыта дождями) Вадим Сергеевич, настоящий человек. Погиб 16 сентября 1984 года».

Очень много скрытых подступов и непростреливаемых, мертвых зон. Их нужно прикрыть с миномета. И установить сигнальные мины. В отличие от наших противопехотных мин, на которых подрываются, как правило, наши же бойцы, сигнальные мины более интересны в использовании. Обычно их срывают шакалы, лисы или дикобразы. Кроме отрицательных эмоций, ущерба от них никакого. Но душманы видят, что здесь установлены сигнальные мины, и стараются обойти это место. Что нам и требуется.

Часовой с первого поста докладывает о колонне машин, проследовавшей в Калашахи. Это агитотряд, прислать который я попросил начальника разведки дивизии. Отряд привез муку, консервы, керосин. Решение старейшин по минному вопросу необходимо подкрепить гуманитарной помощью.

Вместе с агитотрядом приехал капитан Франц Клинецвич, заместитель командира 345-го парашютно-десантного полка по спецпропаганде. На несколько минут он поднимается к нам на заставу. Приятно встретить в Афганистане такого классного специалиста по работе с местными жителями. После его отъезда я занимаюсь установкой сигнальных мин. А ближе к вечеру мы с командиром роты поднимаем заставу в ружье. Занятия по боевой готовности проводятся на заставе практически ежедневно. Иначе нельзя – бойцы должны работать на автопилоте. Сигнал тревоги прост и понятен всем – длинная автоматная очередь. Но сейчас тревога учебная, и ротный ограничивается командой:

– Застава, в ружье!

Вскоре на связь выходят экипажи танка и боевых машин пехоты. Из стрелково-пулеметных сооружений раздаются голоса:

– Рядовой Улановский к бою готов!

– Сержант Анточ к бою готов...

Бойцы действуют грамотно. Видна Женькина школа. А вот с целеуказанием у нас проблемы. Наблюдатели не могут точно дать координаты цели. И нет карточки огня миномета. А я-то обрадовался, что бойцы действуют толково. Выясняется, что толковость эта только внешняя. Застава неплохо управляется голосом, но команды по радиосвязи наводчики-операторы понимают не очень хорошо. Со сменой огневых позиций проблемы: у нас нет перекрытых ходов сообщения, все перемещения – по открытой местности, а это опасно. Нет и долговременных огневых точек. В общем, работы еще непочатый край. Да и к ночному бою мы тоже не готовы. Склоны Тотахана довольно крутые и невольно порождают чувство неприступности и безопасности. Безопасность эта мнимая.

По словам ротного, нападений на заставу еще не было, поэтому реального опыта их отражения нет. А значит, надо готовиться.

Вечером рисую схему местности. Обозначаю ориентиры. Отмечаю дальности до них. В голове крутятся какие-то мысли по совершенствованию системы огня заставы, но пока не могу точно их сформулировать. Но это вопрос нашей жизни и смерти. И его нужно решать как можно скорее.

Несколько вечеров ушло у меня на изготовление моего первого ножа. Старший техник роты передал с девятой заставы напильник и небольшую ручную дрель. Полоска металла от танкового снаряда мягкая и легко обрабатывалась. Немного сложнее сделать рукоятку ножа, особенно когда нет наждачной бумаги. Благо камней вокруг сколько угодно. Они не хуже наждачной бумаги.

Лейла

Ночью я должен дважды проверить посты (после полуночи и перед рассветом). Чтобы кто-то из часовых не уснул на посту, они каждые 10–15 минут проводят переключку. Слышны голоса:

– Первый, второй... Пятый.

Если, к примеру, «Третий» не откликается, то «Второй» делает одиночный выстрел из автомата. Это сигнал вызова дежурного по заставе, одновременно сигнал «Внимание!». Дежурный по заставе разбирается, что произошло. Мы уже привыкли к этой переключке. И тишина ночью будит нас не хуже сигнала тревоги.

С утра занимаюсь «дрессировкой слона». Слоном мы называем танк Т-62. По прицелу навожу его ствол на ориентиры и предполагаемые цели. Полученные данные наношу на свою схему местности. Рядом с каждым интересующим меня предметом на схеме появляются дальность до цели, прицел и угломер.

Ближе к полудню на заставе объявляется Хасан. Рассказывает, что вчера вечером в Калашахи приходили неизвестные. Забрали с собой шестерых мужчин и увели их куда-то. Неизвестные, скорее всего, душманы. Но Хасан не уверен. Точно так же «добровольцев» в свои отряды набирает и Народная армия. Да и царандой (афганская милиция) не стесняется проводить призыв пополнения в свои ряды методом облав и принуждения. Так что с равным успехом это могли быть как душманы, так и представители силовых структур законной власти.

Зато у меня появляется вполне естественная причина посетить Калашахи. Ничего нового там я не узнаю. За стенами крепостей слышен плач женщин, старики все больше молчат. Скорее всего, приходили все-таки душманы. В ответ на появление здесь агитотряда. Традиционно часть гуманитарной помощи, доставленной агитотрядом, душманы забирают у местных жителей себе.

Мои подозрения подтверждает и Шафи, когда я прихожу в его крепость. По его словам, мужчин забрали для того, чтобы перевезти часть продуктов в Карабагкаррез. В этом кишлаке стоит банда Карима. Одна из самых крупных в нашем районе. Возможно, через пару дней дехкане вернутся.

Наконец-то появляется возможность поговорить с Шафи без свидетелей. Мы проходим в одну из комнат. И я с удовольствием думаю, что смогу произвести на него благоприятное впечатление своим английским. Человеку, который учился в Оксфорде, будет приятно вспомнить язык своей молодости. Как хорошо, что Сан Саныч заставил меня немного освежить мои знания английского. Сейчас это очень даже к месту! Увы, удивлен не Шафи. Есть кому удивиться и без него. Шафи обращается ко мне на русском языке:

– С прибытием вас, Сережа.

Интересно, почему Сан Саныч не сказал мне, что Шафи в совершенстве владеет русским? Хотя, возможно, он выучил его уже после отъезда Сан Саныча из Афганистана. Да, Шафи не перестает меня удивлять. А еще мне не совсем понятно, для чего мне нужно налаживать с ним личный контакт, стараться стать его учеником, а не просто быть обычным связным.

Меня предупредили, что Шафи нужен официальный канал выхода на наши войска. Чтобы решать какие-то проблемы, используя их огневую мощь. Так что связной ему нужен. А еще я знаю, что он классный специалист по восточной медицине. Но, похоже, наши отцы-командиры не учли одного: на Востоке нельзя так просто стать учеником. Знания здесь обычно передаются по наследству, от отца к сыну. Они слишком большое богатство, чтобы ими можно было разбрасываться направо и налево. Это достояние рода. Такова традиция. И право стать учеником нужно заслужить. А это совсем не просто.

Теоретически, по словам Сан Саныча, у меня есть шанс. У Шафи нет сына, но есть дочь. Жена Шафи погибла в автомобильной катастрофе. По шариату мужчине разрешается иметь четырех жен, но, видно, Шафи большой однолюб. В его сердце есть место только для одной женщины. Раньше это место занимала его жена, теперь – дочь.

Ее зовут Лейлой. Но, как я уже говорил, чтобы уберечь ребенка от сглаза, в афганских семьях к детям обращаются не по имени, а по прозвищу. Есть такое прозвище и у Лейлы. Шафи называет ее Джуй – «ручеек». Наверное, потому, что ее голос напоминает журчанье ручейка. Он ее очень любит. Но для мужчин сыновья имеют особое значение. Даже если они неродные. Так что шанс у меня есть.

Тем более что Шафи не афганец. К тому же он слишком много лет провел вдали от этих мест: в Англии, Китае, Японии. Вместе с дочерью. Видно, что обычаи этой страны даются ей нелегко – пока мы разговариваем с Шафи, ее фигура несколько раз мелькает в дверном проеме. По окончании беседы Шафи разрешает ей войти в комнату.

– Вы извините мою девочку, очень уж она любопытна. Нелегко ей здесь приходится. Джуй, милая, где ты там?

В комнату неспешно входит настоящая леди. В красивом шелковом платье она выглядит очаровательной феей и мило улыбается. Маленькая хозяйка большого дома.

– How do you do? May I offer you some cake and tea? (Могу я предложить вам кекс и чашку чая?)

– How do you do? Yes, please. (Да, пожалуйста.)

Через несколько минут Лейла приносит пиалы, фарфоровый чайник и небольшой медный поднос с угощениями. Пока отец не говорит ей «кыш!», она, пользуясь моментом, наливает нам чай в пиалы и присаживается рядом. Нелегко Шафи сказать своей дочери «кыш!». Он разрешает ей остаться.

Я его прекрасно понимаю. Девочке, большую часть своей жизни проведшей в светских кругах, нелегко соблюдать законы шариата. Ходить в парандже и сидеть в своей комнате. Она живет в Афганистане третий год, но страна не стала для нее родной. Шафи не разрешает Лейле выходить за стены крепости. Это для ее же безопасности, но в четырнадцать лет такая безопасность страшнее любой тюрьмы. Лейла страдает без общения. Пока мы пьем чай, она беспрестанно что-то щебечет. Словно спешит выговориться. Но мне пора собираться. Девочка это моментально чувствует.

– Need you go so soon? (Вам обязательно нужно так скоро уходить?)

Конечно же, я остаюсь еще на несколько минут. Но Шафи отправляет ее в свою комнату. У нас еще есть дела.

Лейла прощается:

– Goodbye, Mister.

– Goodbye, Jui.

Она на мгновение оборачивается и медленно, по слогам произносит: «Серьежа». Новое слово дается ей нелегко. Она улыбается и убегает из комнаты. Очаровательный ребенок. Представляю, как переживает за нее Шафи.

Выясняется, что в Калашахи Шафи перебрался по личному указанию Ахмад Шаха. Я помню, что они старые друзья. Еще с тех пор, когда Шафи преподавал в Кабульском политехническом институте, а Ахмад Шах был его студентом.

В альбоме у Сан Саныча я видел фотографию, на которой в обнимку стоят три человека – Сан Саныч и два майора. Лица у майоров приметные. Один из них «работает» сейчас большим военачальником в афганской армии, носит генеральские погоны. Второй, будучи вождем курдского племени, недавно погиб в Иране. Довольно интересные «должности» для советских офицеров. Удивительно, как могла сохраниться такая фотография. И что объединяет Сан Саныча, афганского генерала, простого дехканина Шафи и Ахмад Шаха, мне пока еще непонятно.

Я показываю Шафи свою работу. Свой первый самодельный нож. Я пытался повторить форму охотничьего ножа. Но моя работа не произвела на Шафи абсолютно никакого впечатления. Для чего он дал мне такую работу? Видно, у него какие-то свои планы. Возможно, он ко мне присматривается. Или у него дома просто закончились столовые приборы. Ножи, к примеру.

Шафи задает лишь два вопроса. Для чего я сделал нож? И почему именно такой? Я отвечаю, что этот нож предназначен для работы в ближнем бою, а форма его определена предназначением. К этим вопросам я не готов. Хотя и понимаю, что, пока не найду на них правильных ответов, не смогу выполнить его задание. Нетрудно догадаться, что он ждал чего-то другого. На прощание Шафи снова протягивает мне полоску металла и небольшую дощечку.

– Сделай новый нож. И приходи, когда сможешь. Сафар ба хайр, кумандан! (Счастливого пути, командир!)

– Хода хафез, мохтарам Шафи! (До свидания, уважаемый Шафи!)

Что-то не так с этими ножами. Не вижу логики во всем этом. Единственное правдоподобное объяснение: это некая проверка. Но я же не ремесленник какой-то! Я вообще никто. Особенно когда не вижу причинно-следственной цепочки происходящих событий. Но придется делать новый нож. В нашей работе не всегда видна логика. Очень часто ты всего лишь крошечная деталь огромного механизма, который удерживает мир в равновесии. И твоя задача – просто честно делать свою работу. Делать ножи, если так нужно.

Я возвращаюсь на заставу. До сумерек остается еще около часа. Провожу развод караула. А затем с Нигматом Хашимовым мы идем подбирать место под будущее строительство бани. Одновременно с баней решаем строить и столовую с кухней. На три совмещенных объекта уйдет гораздо меньше строительных материалов, чем на три отдельных. Совместные стены позволят кое-что сэкономить. А стройматериалы на заставе – огромный дефицит. Несмотря на то что Женька уже сделал небольшой запас. Да и наша совместная поездка что-то добавила. Но этого ничтожно мало.

Сейчас пищу готовят в небольшой полевой армейской кухне под навесом, недалеко от врытой в землю двухтонной цистерны для питьевой воды. Вода на заставах привозная. Два раза в неделю ее привозит наша батальонная водовозка со станции очистки воды из Баграма. Едят солдаты тоже под навесом или в казарме. Летом с этим можно было мириться. Но не за горами зима. Приходится торопиться со строительством. С выбором места проблем нет. Решаем строиться на месте старой кухни. Точнее, старого навеса.

А в канцелярии горит свет. Электрическая лампочка! Какое же это счастье! Витя Томчук сдержал свое обещание. Все-таки отремонтировали они свой генератор. Пусть и на день позже. Какие молодцы! Благодаря этому у меня появляется возможность продлить свой рабочий день. К сожалению, у нас на заставе нет ни инструкции, ни технического описания переносной станции наземной разведки (ПСНР-5). Думаю, что скоро она мне может пригодиться. Поэтому приходится разбираться с ней методом «научного тыка». Хорошо все же, что в училище нам давали не только военные знания, но и гражданскую специальность – инженера по эксплуатации колесной и гусеничной техники. Инженерные знания мне сейчас здорово помогают.

А мой Кот уже начинает вылизываться, готовится ко сну. Ну почему я не кот? По ночам становится все прохладнее и прохладнее. Выходить из канцелярии все больше и больше лень. Но проверять посты все равно надо. Здесь много спать нельзя. Иначе однажды утром можно будет не проснуться совсем. Всей заставой.

Наступает утро нового дня. А с ним и новые заботы, новые проблемы. Начала работать станция радиоперехвата. Очень много интересной информации. Ожидается приход большого каравана с оружием из Пакистана. Для Карима. В районе появилось несколько новых банд. И в ближайшие дни ожидается приезд большой комиссии из штаба округа. Разведчики перехватывают все радиogramмы. Как духовские, так и наши. Все подряд, без разбора!

У нас множество радиogramм проходит по каналам засекречивающей аппаратуры связи. Но и в открытом эфире информации море. Специалисту для получения нужных ему сведений достаточно и открытых каналов. Жить становится веселее. Так что уши у нас есть. Есть и глаза – зенитная труба двадцатикратного увеличения. Афганцы думают, что если они кого-то не видят, то и эти кто-то не видят их. Это не так. И хорошая оптика, о возможностях которой местные душманы даже не догадываются, сейчас служит для меня настоящим кладом информации о них. Осталось только развернуть переносную станцию наземной разведки. И можно будет жить.

Последующие дни занимаемся благоустройством заставы. Строим хозблок – кухню, столовую и баню. Бойцы истосковались по работе. Строительство идет полным ходом. Приходится еще несколько раз выезжать в брошенный кишлак за бревнами и сырцовым кирпичом. С каждым разом при выезде приходится принимать все большие меры предосторожности. Духи могут заминировать развалины или оставить там засаду.

То, что еще вчера казалось стройкой века, через несколько дней превращается в совершенно обычный строительный объект. Но ребятам он очень нравится. Они сделали первую в своей жизни постройку. Проблема в другом: пока у бойцов такое настроение, нужно использовать его по полной программе. Строительство бани идет к завершению. Через пару недель, возможно, доделаем и столовую с кухней. Нужны новые объекты. Тем более что я, как новый командир, могу сделать вид, что обожаю строительные работы. В училище нас учили, что в инженерном оборудовании взводного опорного пункта не бывает принципа «достаточно». А на заставе в этом плане работы еще целое море.

Мы начинаем строительство убежища на случай обстрелов и долговременной огневой точки с восточной стороны горы. Обкладываем камнем огневую позицию миномета, делаем навес на первом посту. Усиливаем стены стрелково-пулеметных сооружений. Я назначаю трех самых толковых бойцов внештатным расчетом, и вместе с ними мы занимаемся переносной станцией наземной разведки. Пробуем обнаружить цели, отлаживаем станцию. Скоро она нам может пригодиться.

Устраиваю ревизию на складе боеприпасов. То, что вначале показалось мне огромным количеством, после проверки обретает реальные размеры. Патронов к стрелковому оружию – около трех боекомплектов на каждый ствол. Хватает и ручных гранат. А вот снарядов к танку катастрофически мало. Нет и одного боекомплекта. И это при том, что есть приказ о создании на каждой заставе запаса боеприпасов в размере трехкратного боекомплекта. Срочно нужно составить заявку на танковые снаряды, патроны, гранаты Ф-1, РГО (их на горной заставе нужно больше) и на мины МОН-50 (у меня появилось несколько идей по их использованию). И отправить ее на командный пункт батальона.

Примерно раз в неделю встречаюсь с Шафи. Благо повод нашелся довольно быстро. И встречи наши не вызывают ни у кого подозрений. Я решил открыть небольшой лазарет на посту у Хасана. На пять-шесть коек. С медициной в ближайших кишлаках дела обстоят плохо. Но я понимаю, что в мой лазарет никто обращаться не будет. В первые же дни. Сан Саныч не зря говорил, что Восток – дело тонкое и небыстрое. Нужно, чтобы ко мне немного привыкли. Тогда дехкане пойдут за помощью.

Но, главное, мне надо найти место для контакта со своей агентурной сетью, которую мне еще предстоит создать. Ведь я не только связной с Шафи, но и командир сторожевой заставы. Мне нужно узнавать о происходящем вокруг не тогда, когда душманы полезут на заставу, а заранее. И что может быть лучше для этих целей, чем лазарет?

К тому же мне нужна причина, объясняющая наши частые встречи с Шафи. Он не спешит брать меня в свои ученики. Ограничивается лишь заданиями по изготовлению ножей. Вот и приходится мне на ходу менять правила игры. Обращаться к нему за помощью в открытии лазарета. И надеяться, что в будущем он изменит свои взгляды на мой счет. Я не тороплю

события. И это ему по душе. Видно, что моя идея с лазаретом ему тоже нравится. Тем более что такая версия очень подходит для окружающих. Для них Шафи просто помогает Хасану и мне открыть лазарет.

На боевой машине пехоты я привожу в лазарет две плетеные кровати, которые мои бойцы нашли в разрушенном кишлаке. Еще две передал Шафи. Алишер Разаков передал запасной пинцет из своей медицинской сумки. Это хорошо, что они участвуют в моей задумке. Поддержка каждого из них дорогого стоит. Для меня много значит, что мы вместе делаем очень важное и нужное дело. Еще бы лекарства где найти? Из лекарств, кроме аспирина, йода, стрептоцида и нескольких тюбиков промедола, у нас на заставе ничего больше нет. Еще есть куча старых списанных жгутов для остановки кровотечения, но на них надежды мало – рвутся часто. Хорошо еще, что бинтов и различных витаминов на заставе в достатке.

Кроме кроватей, привез Хасану и две латунные гильзы от танковых снарядов. На днях душманы в очередной раз обстреляли Тотахан и повредили наш тандыр. Срочно нужно устанавливать новый. А где его взять? У нас в «Военторге» тандыры не продаются, надо решать вопрос с местными ремесленниками. А чем им заплатить за работу? Я еще не получил ни одной зарплаты. Да и обменять тандыр не на что. Благо на глаза мне попала латунная гильза от танкового снаряда, используемая нами вместо урны. Еще одну такую гильзу нашел за казармой. Пришлось выстраивать целую операцию по бартеру: передавать их местному ремесленнику, изготавливающему кувшины и блюда из металла. И договариваться, чтобы он расплатился с гончаром, который делает тандыры. Я надеялся, что двух латунных гильз за один тандыр окажется достаточно. Но когда через несколько дней приехал на БМП забирать его, получил два тандыра. Хасан, видя мой удивленный взгляд, сказал переводчику:

– Две гильзы – два тандыра.

Я с ним не спорил. Наше недопонимание оказалось довольно полезным. А запасной тандыр лишним на заставе не будет.

Периодически отношу Шафи новые ножи. В один из моих приходов оказалось, что у Лейлы день рождения. А я и не знал об этом. Хорошо, что у меня всегда с собой маленький дракончик из латуни. Я родился в год Дракона, и этот дракончик служит мне амулетом. Дарю его Лейле. Она в полном восторге. Танцует от радости, смеется и хлопает в ладоши. Дракончик ей очень нравится.

На днях уехал к новому месту службы командир роты капитан Игнатенко. Нового ротного только обещают. А пока его обязанности исполняет Олег Артюхов. По вечерам мы изучаем с ним курс стенографии. Возможно, после Афганистана у нас получится устроиться куда-нибудь секретарями-машинистами, к какому-нибудь очаровательному руководителю лет двадцати, женского пола. Упускать такую возможность не стоит. Может, мы и правда еще на что-нибудь сгодимся?

Старшина привез с водовозкой почту. Газеты («Красная звезда», «Правда», «Комсомольская правда») и письма. Мне еще получать письма рано. Я прекрасно это понимаю. Но в душе надеюсь на чудо. И чудо происходит. Оно всегда происходит, когда на него надеешься. Нужно только надеяться очень сильно.

Я получаю первое письмо. От Лили Кабановой, с которой познакомился в газете «Известия» во время нашей совместной работы по подготовке материалов к 40-летию Победы. Точнее, теперь от Курсковой. Лиля вышла замуж. И какая она теперь Лиля? Лилия Павловна!

Здравствуй, Сережа!

Оказывается, ты в солнечном Афганистане не теряешь времени зря. Наверное, домой уже приедешь в полосатом халате и чалме...

Значит, в кишлаках «большого начальника» принимают сердечно? Это хорошо. Сережа, чем же тебе доверили командовать – ротой, батальоном? Помнишь, «остались позади стре-

мительные марши, учебные атаки позади...»? Теперь действительно все так. А ведь раньше, пару лет назад, я не могла даже предположить, что курсант С. Карпов, в отличие от многих, готовится не к учебным боям...

Отправила поздравительную открытку с днем рождения тебе домой. Получилось неловко. Я понимаю, в службе заранее сложно что-то определить. Сегодня приказ, завтра – новый район действий. Но если надо, так надо. Верно?

Ты подарил мне «Подснежник». Спасибо! Мне тоже захотелось сделать тебе что-нибудь приятное. Почитай повнимательнее нашу газету. Теперь делюсь своими новостями. Недавно меня приняли в Союз журналистов СССР. Для меня это очень большое событие. Вступление в Союз в 20 лет – случай почти исключительный. Пришлось много работать, заниматься. В общем, чего расписывать. Так и должно быть, если в жизни есть цель. А мне бы хотелось стать хорошим журналистом.

Что тебе еще рассказать? В Подмосковье осень. Мы уже начинаем мечтать о тепле, ласковом солнышке, первых цветах. До свидания!

Лиля.

«Отправила поздравительную открытку с днем рождения». А ведь сегодня же день моего рождения! Просто удивительно, что я получил это письмо именно в день рождения. Письма из Афганистана идут до Москвы больше недели. Свой новый адрес я сообщил друзьям совсем недавно. И их поздравления придут не раньше чем на следующей неделе. Письма от родителей придут еще позже. Тем более что их письмам еще предстоит поменять конверты у Сергея Андреева.

В конверте аккуратно сложена газета. На последней странице – «Подснежник» С. Карпова.

*До крови руки ледоруб натер,
Но, перевал преодолев, мы снова
Карабкались вперед. И крохотный костер
Нас согревал на каменистых тропах.
И вновь рассвет сменял ночную тьму.
Звеня ручьями, пел ледник под нами.
И в этот миг увидел на снегу
Я маленькое чудо под ногами.
Среди застывшей тишины,
Там, где рассветы в небо рвутся,
Подснежник вылез из земли
И нежно солнцу улыбнулся.
В своей наивности смешной
Он легкомысленно и мило
Забыл опасность холодов,
Забыл метели злую силу.
Зима еще грозит бедой,
Но он уже капелью дышит.
Но он уже живет весной
И первых жаворонков слышит.
Вдруг стало легче на душе,
И я стоял, замороженный,
На этой сказочной земле,
Где чудеса еще возможны...*

*А путь наш дальше уходил,
Он был нелегким и суровым.
Но каждый в сердце уносил
Минутной этой встречи грезы.*

Приятно было увидеть свои стихи в газете. До тех пор пока в нашу землянку не пришел Нигмат Хашимов.

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?

Мои строительные увлечения не прошли даром – мой заместитель явно заболел трудоголизмом. После наших первых успехов по строительству бани и столовой Нигмат решил замахнуться на невозможное. Он задумал решить проблему с туалетом. Я не против трудоголизма. Когда бойцы заняты делом, у них остается меньше времени на разные глупости. Да и проблема с туалетом действительно серьезная. В скальном грунте практически невозможно делать большие ямы. Ни вручную, ни взрывным способом.

С этим вопросом он и обратился ко мне. Нигмат почему-то возомнил, что я знаю все на свете. В том числе о способах решения проблем, связанных с канализацией. Печально это! Ведь до того, как стать сантехником, я был поэтом. Целых пять минут.

Как хорошо, когда люди в тебя верят. В таком случае ты иногда делаешь вещи, о которых прежде не мог даже мечтать. Я и не мечтал произвести на Нигмата впечатление эрудита, знающего ответы на все вопросы. Но ответ пришел сам собой. Вспомнилось босоное детство, когда родители каждое лето отправляли меня в ссылку в деревню. Из этих времен о деревне осталось два воспоминания. О том, как болела в первые дни голова от этого противного кислорода. И о ласточках, которые строили свои гнезда под крышей дома. И как опасно было сидеть под этими гнездами.

Мы занялись плагиатом. Все в этой жизни было изобретено еще до нас. Ласточками. С противоположной от кишлаков стороны мы укрепили на скале несколько бревен. На них закрепили аккуратную постройку. Настелили пол с характерными отверстиями. Глубина выгребной ямы была равна чуть ли не высоте горы Тотахан, 1641 метр.

На протяжении многих месяцев эта постройка будет пользоваться повышенным интересом личного состава нашей заставы. До самого вывода наших войск.

Карим и Марь Иванна

Шестнадцатого сентября на заставу приехал новый ротный, старший лейтенант Володя Стародумов. Бывший командир комендантской роты из штаба дивизии. Красавец гусар. Нетрудно догадаться, что перевели его к нам с понижением в должности. Потому что командир комендантской роты в штабе дивизии и командир мотострелковой роты, стоящей на заставах, – две большие разницы.

Доделываю очередной нож. Каждый чем-то отличается от предыдущего. Я пытаюсь угадать, чего же ждет от меня Шафи. Что это должен быть за нож? Истина пока где-то далеко. В очередной приход к Шафи приношу Лейле пакетик с конфетами. Попросил старшину купить его в магазине в штабе дивизии. В дуканах конфеты не продают. Лейла очень рада подарку.

В прошлый раз Шафи попросил меня принести мою рабочую карту. Отмечает на ней какую-то крепость и просит передать ее координаты по моему каналу связи. В следующую среду в семь часов вечера там соберется исламский комитет. Во главе с Каримом. Необходим бомбоштурмовой удар. Я уже знаю, что Ахмад Шах Масуд обеспокоен все возрастающим среди местных главарей душманов и духовенства авторитетом Карима. В этом нет ничего удивительного: Карим – местный. К тому же глава сильного и влиятельного в провинции рода. Ахмад Шах же родом из Панджшерского ущелья. И Шафи здесь для того, чтобы постараться уничтожить Карима.

В этом наши интересы совпадают. Карим – непримиримый враг, лично пытал и убивал активистов Народно-демократической партии и Демократической организации молодежи Афганистана. Регулярно устраивал засады на наши колонны. Руки у него по локоть в крови. Наши решили сделать упор на Ахмад Шаха. И сейчас начинают расчищать поле для его дальнейшей деятельности. Убирают конкурентов. Как реальных, так и возможных. Как говорится, принцип «разделяй и властвуй» никто не отменял.

На обратной дороге захожу на пост к Хасану. Передаю ему несколько банок рыбных консервов из своего офицерского допайка. Без подарка нельзя. При каждом посещении поста самообороны стараюсь выучить несколько новых афганских слов. Хасану и старейшинам это приятно. Приятно, что я учу их язык. К счастью, о том, что я знаю фарси довольно прилично, они не догадываются.

Вместе с Хасаном захожу в наш лазарет. В комнате в ряд установлены семь плетеных деревянных кроватей. Еще несколько дней назад их было пять. Число семь у афганцев считается счастливым. Поэтому Шафи передал еще две кровати. Но пациентов в лазарете пока нет. Пока на этих кроватях спят бойцы Хасана. До этого спали на полу. Это было неправильно. Аскеры должны спать на кроватях! Иначе кто их будет уважать? Маленький Абдул старательно наводит порядок в комнате.

Мы успели с ним сдружиться. Абдул сирота. Живет у Хасана в крепости. Мать его умерла во время родов. Однажды темной ночью какие-то вооруженные люди увели с собой его отца. С тех пор прошло около пяти лет, но об отце ни слуху ни духу. Кроме старшего брата других родственников у Абдула нет. Его старшего брата Сафиулло совсем недавно я видел на командном пункте батальона. Там по субботам наши солдаты и офицеры обычно играли с местными жителями в волейбол. У Сафиулло сильные подачи, немногие могли их принять. На днях Сафиулло ушел в банду Суфи Ахматдина. Это одна из подчиненных Анвару небольших банд, расположенная в кишлаке Джарчи.

Абдул любит играть со мной в нарды. Мы расчертили небольшое игровое поле прямо посередине комнаты. Я сделал два кубика, а вместо шашек мы используем обычные камушки – черные и белые. Игра столь заразительна, что частенько к нам присоединяются Хасан и его аскеры. Во время игры в азарте они иногда забываются, говорят лишнее.

Из их слов нетрудно понять, что Сафиулло до сих пор регулярно появляется в Калашахи, проводывает Абдула. На посту у Хасана. Как много информации можно получить, когда ты знаешь язык собеседников, а они этого не знают. Невольно напрашивается вопрос о том, что может быть общего у бандита с командиром поста самообороны. Да, все переплелось в этом мире, перепуталось.

Время летит незаметно. Мне пора возвращаться. И через полчаса я уже на Тотыхане. Со станции радиоперехвата выхожу на связь с начальником разведки дивизии, передаю ему координаты крепости и просьбу Шафи. А потом до ужина занимаюсь документацией заставы. Заполняю планы боевой и политической подготовки, журналы наблюдения, учета боевых действий, работы с доброжелателями (даже такой журнал есть на заставе!). Составляю расписание занятий на неделю. Проверяю книги учета боеприпасов, учета продуктов, книги выдачи сигарет и мыла личному составу. Всего около двадцати документов. Если все их заполнять своевременно и в полном объеме, можно сойти с ума. Думаю, что в этом и есть их главное предназначение. От «желтого дома» меня спасает природная лень. Я назначаю двух человек взводными писарями. Это рядовые Сережа Багрий и Дима Чеботарьков. Почерк у ребят хороший. И без их помощи мне не справиться.

Пока возился с бумагами, обратил внимание на появившихся в канцелярии маленьких шустрых муравьев. Они всегда появляются, стоит только не убрать вовремя тарелки после ужина. Или оставить открытую банку сгущенного молока. В этот раз причина более тривиальная. Кот. В его миске всегда есть чем поживиться.

Мне еще не совсем понятна система взаимоотношений представителей местной фауны. Но существует какая-то периодичность появления насекомых в канцелярии. Где-то возникают колонии тли. Они притягивают муравьев. После муравьев в комнате появляются фаланги и скорпионы. Затем за стенами начинают скрестись мыши. А как только начинают скрестись мыши, можно готовить угощение. Потому что скоро у нас будут гости. Марь Иванна собственной персоной. А можно и не готовить. Ведь мыши для нее и так самое лучшее в мире угощение. Марь Иванна – старая-старая кобра. Она живет у нас на продовольственном складе. Стоит коробки с куриными яйцами. Это ее самое любимое занятие. За свою службу она не требует вознаграждения. Но когда приходит время, она готовит свое любимое блюдо. Яичницу из трех яиц.

Мне кажутся забавными ее привычки. Но каждый раз, когда проголодается, она проглатывает именно три яйца. Со стороны видно, как она широко раскрывает рот, затем просто натягивает свою кожу на куриные яйца. А потом несколько дней переваривает их. Мечтательно закрыв глаза, словно вспоминает что-то далекое и очень приятное. Наверное, свою молодость.

Когда на складе появляется повар и начинает набирать в коробку банки консервов, крупы или сахар, она немного приподнимает голову и предупреждает о том, что она еще здесь:

– Ш-ш-ш. Кыш-ш-ш.

Она действительно говорит: «Кыш-ш-ш». Ошибиться невозможно. Повар понимает ее с полуслова. Это предупреждение: консервы, крупы – твои, яйца – мои. Иногда повар пытается проявить характер и подходит ближе. Тогда Марь Иванна удивленно приоткрывает глаза и приподнимает свое тело выше. А потом бьет наглеца головой с закрытым ртом. Пытается отпугнуть его, одновременно оберегая зубы от поломки. Хотя, скорее всего, зубов у нее уже и нет. Повар обиженно уходит. И целый день вынашивает в своей голове планы страшной мести. А потом прощает Марь Иванну, потому что сам был виноват. Марь Иванна просто выполняла свою работу.

К тому же он прекрасно понимает, что, не будь Марь Ивановны, не избежать нам нашествия мышей и крыс. А это куда страшнее. И не только в плане сохранности продуктов. Ведь мыши и крысы – разносчики болезней. А болезни, особенно инфекционные, здесь – бич для наших солдат. Так что Марь Иванна – наш ангел-хранитель от болезней. И хранитель наших

продуктов. Правда, не всех. От своей порции куриных яиц ротному и мне пришлось отказаться в пользу Марь Ивановны.

А кроме нее, с мышами хорошо боролись и два дикобраза, живущие под первым постом. Они подъедали пищевые отходы в мусорной яме. И тоже ловили мышей. Из бездельников здесь только дикий африканский Кот. Пока что он ловит лишь фантики. Просто он еще очень маленький. И когда ему попадаются на пути мыши, он не знает, что их надо есть, а просто играет с ними. И мыши от него убегают. Бездельник! Самый большой бездельник на заставе. После меня, разумеется.

Марь Иванна погибнет через полгода. При проведении дивизионной операции в нашем районе. На Тотыхане заночует заместитель командира батальона. Ночью, выходя проверять посты, он случайно наткнется на нее. Около самой канцелярии. Марь Иванна встанет в стойку, откуда только у старушки взялись силы? Замкомбата с испугу выстрелит в ее сторону. И Марь Иванна сделает то, что делала лучше всех. И делала всю свою жизнь. Она бросит свое тело навстречу этому незнакомому для нее и стремительному насекомому. И поймает пулю.

Пришла радиограмма с КП батальона: духи обстреляли нашу водозвуку. Придется пару дней обходиться своими силами. Носим воду с речки в сапогах от общевойсковой защитного комплекта. Кипятим ее, но сказывается высокогорье, закипает она плохо. И мы постоянно мучаемся животами.

Дни идут за днями. В делах и хлопотах время летит незаметно. Двадцать четвертого сентября у меня резко подскакивает температура. Налицо все признаки одной смешной и давно забытой болезни. А ведь говорила сестрица Аленушка: не пей водицу из речки Барикав! Но кто и когда слушался женщин? Тем более что пить больше было нечего. Меня отвозят в Баграмский инфекционный госпиталь. Так и есть! Диагноз – тиф. С каждой минутой мне становилось все хуже и хуже. Сначала меня положили в палату для больных с фактором риска. Поставили капельницы, сделали уколы. Затем перевезли в реанимацию. Потом сделали еще несколько уколов. И еще. А потом я потерял сознание.

Я пришел в себя от того, что в палате стало слишком тесно. Врачи суетились у кровати какого-то больного. Делали уколы, меняли капельницы. Рядом с ними стояли мои родители. Молчал мой отец. Мама не плакала. Было как-то тихо и очень торжественно. И очень светло. Потом появился Сан Саныч и сказал, что есть работа. Его сменил Шафи и начал что-то говорить о ножах. В углу комнаты я вдруг увидел Лейлу. Она сжимала в руках моего дракончика и что-то шептала. Рядом с нею стояла незнакомая красивая девушка с розами. Потом вдруг появилась моя сестра с племянниками. Почему-то рядом не было ее мужа, Виктора. Они всегда были вместе.

Но самым удивительным было то, что в больном я узнал себя. Это было так странно! Словно я одновременно оказался в двух разных местах. Человек, который лежал на кровати, был мною. Но сам я находился сверху, в самом дальнем углу палаты. Я прекрасно слышал, о чем говорили врачи. Они были очень реальны. Но остальные появлялись и исчезали, словно во сне. Их я не слышал. Точнее, не слышал их голосов. Но зато отчетливо слышал их мысли. И кажется, мысли жили какой-то своей, отдельной от людей жизнью. Мне было интересно. То мое «Я», которое могло думать, совершенно ничего не чувствовало. Оно было Ничем. Ни воздухом, ни облаком, ни сгустком энергии. Оно было просто местом, которое могло мыслить и видеть то, что происходило вокруг. Это было так здорово! И так удивительно!

Мне нравилось это состояние. Но что-то начало происходить с посетителями комнаты. Их образы стали размываться и исчезать. Один за другим. Постепенно стало исчезать и то удивительное сияние, которое создавало необыкновенно радостное чувство праздника. Потом все исчезло.

Через двое суток я пришел в себя. Ощущения праздника больше не было. Не было и моего второго «Я». Мое единственное «Я» лежало на кровати и рассматривало потолок. Рядом

стояла капельница. Кроме капельницы и потолка, я больше ничего не видел. Но откуда-то изда- лека донесся голос:

– Кажется, вернулся. Позовите врача.

И снова рядом со мною что-то двигалось, говорило и беспокоилось. Беспокойство чув- ствовалось в чьем-то голосе. Что-то было не так. Тем временем я сделал маленькое открытие. Даже два. Во-первых, я не мог повернуть голову. А во-вторых, я не мог говорить. Через два дня меня перевели в палату для больных с фактором риска. Все так же каждые полтора часа мне кололи уколы. Ставили капельницы. Все так же по ночам мою палату посещали близкие мне люди. Мы разговаривали с ними. Почти каждую ночь рядом со мною была моя люби- мая девушка, которой в жизни у меня еще не было. Иногда рядом оказывались мои друзья. Сан Саныч. Шафи. Лейла. Но мои родители и сестра почему-то были в черном. А утром мне говорили, что я снова бредил. И я понимал, что разговаривал с призраками. Это было очень странно, ведь наяву я говорить еще не мог.

Зато очень разговорчивым оказался мой сосед по палате Валера Балясников, начальник штаба дивизионного разведбата. Нет, конечно же, он не был болтуном. Просто он мог говорить, в отличие от меня. Он постоянно подшучивал над медсестрой Мариной, которая ухаживала за мной. Говорил, что она слишком много времени проводит около моей кровати.

– Я не ревную. И не угрожаю. Я предупреждаю. Эти лейтенанты того не стоят. Не слу- чайно же в песне поется: «Зачем вы, девушки, красивых любите? Одни страдания от той любви». Марина, любить надо не красивых, а умных. Таких как я. И вообще, хватит за ним ухаживать! Это уже неприлично. Лучше ухаживай за мной.

Сегодня у Валеры гости. Пришли ребята из разведбата. Рассказывают, что на операции под Кабулом погиб заместитель командира третьей разведывательно-десантной роты Игорь Гук. Множественное осколочное ранение в голову и спину. Не сразу доходит, что это наш Игорь. Учились с ним в училище на первом курсе в одном взводе. В этом году он женился и с гордостью рассказывал всем, что в его семье ожидается пополнение. Оказывается, служили с Игорем совсем рядом. А так и не встретились. И больше уже не встретимся.

За стеной нашей палаты в холле установлен телевизор. Постоянно идут какие-то пере- дачи. Хочется их посмотреть, но пока получается только послушать. По телевизору сообщают о революции в Никарагуа. О добровольцах из разных стран мира, приезжающих в страну. И очень интересная передача с участием преподавателя физики и математики из Донецка Вик- тора Федоровича Шаталова. Занятная у него система преподавания. Правда, урок он ведет не по физике или математике, а по истории. Рассказывает о Дмитрие Донском и Куликовской битве. О том, как Дмитрий выходил к Куликову полю. И как выиграл сражение еще до его начала. Виктор Федорович рисует на доске какие-то схемы. К сожалению, я их не вижу. Но в этот вечер я начинаю говорить.

Ночью ко мне в палату приходят Шафи с Виктором Федоровичем Шаталовым. Они что- то обсуждают между собой. И соглашаются. Это последняя ночь, когда меня посещают при- зраки. А утром я уже знаю, как должен выглядеть мой боевой нож. Наконец-то я знаю, что хотел от меня Шафи.

Через два дня я начинаю ходить. В холле лежит свежая газета «Красная звезда». На пер- вой странице внизу небольшая статья: «В Афганистане при артиллерийском обстреле погиб главарь одной из крупнейших банд Карим. Осколочное ранение в голову». Странно, Шафи просил об авианалете. Но, с другой стороны, наши могли подстраховаться и артиллерией. Похоже, Карим действительно был большим человеком, раз о его гибели написали в нашей центральной газете.

На выходе из отделения сталкиваюсь лицом к лицу с нашим новым ротным. С Володей Стародумовым. Пришел проведать? Почему тогда в голубой пижаме? Ах вот в чем дело! Жел- тые глаза. Явный признак гепатита. Желтухи. По его просьбе мне приходится выписываться

досрочно. На заставе остался только Олег Артюхов. Одному ему приходится нелегко. Командовать ротой и заставой одновременно. Но решение выписываться и выписка – вещи совершенно разные. Врачи что-то говорят о плохих анализах. О том, что предыдущий курс лечения положительных результатов не дал, а новый только начинается. Приходится договариваться с Мариной, чтобы она достала мне какую-нибудь форму.

На следующее утро я сбегаю из госпиталя. Неподалеку на стоянке – несколько бронетранспортеров. Из бронетранспортера пытаюсь выйти на связь с ротой. Увы, ничего не получается – до ближайшего радиосеанса почти полтора часа. Но зато встречаю у одного из бронетранспортеров нашего замполита батальона.

Он догадался, что я сбежал из госпиталя, но ничего не сказал. И лишь подвез меня до командного пункта батальона. От комбата сразу же вводная – взять водовозку, заправиться водой в Баграме и отвезти ее на заставу. Комбат смотрит на меня как на приведение. Да, вид у меня сейчас никудышный – кожа да кости. Хорошо, что не задает глупых вопросов. Он и сам понимает, что офицеров в нашей роте не осталось. Да, ходить у меня пока получается не очень, но прокатиться на водовозке мне по силам.

Иду забирать водовозку. К счастью, идти недалеко – она стоит у самого входа в нашу крепость. Водитель вырезает ножом из виноградной лозы небольшие чопики, вставляет их в отверстия в бочке. Похоже, сегодня нашу водовозку где-то снова обстреляли. Вот и приходится водителю заделывать новые дырки. Едем к баграмскому аэродрому на пункт очистки воды заправляться. Оттуда на заставу. Обычно водовозку сопровождает одна из ротных БМП. Сегодня едем без прикрытия, а я и без оружия. Хорошо, хоть у водителя есть автомат. А я взял у разведчиков парочку гранат Ф-1. С ними как-то повеселее.

В батальоне меня дожидается несколько писем. От Вероники Белоцерковской, от Антонины Артемовны Пименовой – мамы моего школьного друга Андрея, от Галины Ивановны Милокостовой – моей школьной учительницы, научившей меня не только читать и писать, но и любить поэзию. Так что пока катаемся на водовозке, читаю их. И первое – от Лены Ульяновой, моей одноклассницы и соседки по парте.

Серезжа, здравствуй! Что случилось, почему ты не пишешь?! Я как-то не обращала внимания. Все думала: вот завтра или послезавтра придет письмо. Ну, в крайнем случае в конце недели приеду из общежития, а оно меня дома дожидается. А потом думала, что у тебя времени не хватает, ведь работа у вас не с восьми до пяти. И письма ты пишешь не мне одной. Все ждала, тем более что сентябрь пролетел для меня очень быстро. А тут и октябрь уже подходит к концу, а от тебя ни звука... Я вдруг обнаружила, что получила твое последнее письмо ровно полтора месяца назад.

Серезжа, может, тебе правда некогда? Так ты не пиши много. А может, мои письма до тебя не дошли и ты обиделся? Либо я чего-нибудь не так написала? Так ты не обращай внимания, прости меня. Только напиши, пожалуйста. Я буду ждать. О других, более серьезных и веских причинах твоего молчания я просто боюсь думать. Ведь их не может быть, правда?! Не должно. Я почему-то в этом уверена, уверена в твоём везении. Ты только не разуверяй меня своим молчанием. Пиши. Не пропадай. Обязательно напиши! Пожалуйста, напиши! Лена.

Вероника делится информацией о Толе Кузьменко. Он служит в Афганистане. Стоит ли удивляться, что новости о нем я получаю из Москвы? Антонина Артемовна пишет об Андрее, который попал служить на Северный флот. И о том, что мой отец мечтает приехать ко мне в гости в Ашхабад. Хорошо, что предупредила. Молодец, тетя Тонечка! Надо будет написать домой, что я уехал из Ашхабада в командировку на несколько месяцев. На Кушку, к примеру. Год назад уже был там. Приезжали с группой офицеров разведуправления округа на итоговую проверку в разведбат.

Видимо, пора раскрываться. Если родители узнают о моем жульничестве – обидятся. Пора официально переезжать в Афганистан. И отправить им адрес моей полевой почты.

Через две недели я получил первое письмо от родителей, пересланное Сережей Андреевым. Двадцать четвертого сентября, когда меня привезли в госпиталь, в автомобильную аварию попал муж моей сестры Виктор. Мы лежали с ним в одно и то же время в разных реанимациях. Витя умер, не приходя в сознание. Оставив жену и двух ребятишек: шестилетнего Сережу и трехлетнюю Иришку. Оказывается, для того чтобы погибнуть, не обязательно ездить в Афганистан.

Не приговор, а задача

Пока я лежал в госпитале, успел соскучиться по своей заставе. Дел в мое отсутствие накопилось много, а сил нет совсем. Прокатиться на водовозке их хватило, а вот ходить пока получается с большим трудом. Шатает от слабости. И голова постоянно кружится. Понимаю, что в реальном бою пользы от меня будет мало. А кроме меня, офицеров на заставе нет. Олег уехал на девятую. Значит, в случае нападения душманов на заставу будут потери. Большие.

В детстве отец часто говорил мне: «Делай то, что тебе по силам, чтобы со временем сделать то, что пока не по силам». По силам мне пока лишь немного ходить и много думать. Почему-то вспомнился Василий Прокофьевич Балашов, наш преподаватель высшей математики. В годы Великой Отечественной войны он командовал полковой разведротой. И всегда говорил нам, что побеждает на войне не тот, кто перевоюет противника, а тот, кто его передумает. Тот, кто сможет использовать для выполнения поставленных боевых задач и сохранения жизни своих подчиненных все, что его окружает.

Я пытался мысленно провести ревизию того, что может мне помочь в управлении заставой во время боя. И особенно ночного. Почему-то думалось, что душманы, скорее всего, нападут на нашу заставу ночью, перед рассветом. Просто днем подобная попытка обошлась бы им слишком дорого. Да и обстреливают они нас в последнее время больше по ночам.

На БМП и танке стоят ночные прицелы, но в горах при стрельбе на большие дальности от них пользы ноль. И под горку вести наблюдение из них мы не можем. С батарейками для ночного прицела НСПУ проблемы – они уже старые, быстро разряжаются. А для зарядки приходится возить их на командный пункт батальона. Такая же проблема и с переносной станцией наземной разведки. Так что к ночному бою мы подготовлены довольно слабо.

В комплекте к нашей радиостанции Р-148 два аккумулятора. Когда один разряжался, его отвозили в батальон на замену, меняли на заряженный во взводе связи. Иногда на замену попадались югославские батареи, которые запрещено было разбирать, но приходилось. И в комплекте с БПД (блоком питания дублирующим) запитывать ночной прицел от двух из десяти возможных «банок» по 1,2 В. По мере разрядки подключать следующую «банку». После подобных «усовершенствований» батарея от радиостанции приходила в негодность, за что я не раз получал по шапке от начальника связи батальона. Но зато благодаря этим «усовершенствованиям» у меня были действующие ночные прицелы, не раз выручавшие меня и моих разведчиков. Но делать это я буду позднее, а пока лишь продумываю и пробую различные варианты.

На случай ночного боя я держу в неприкосновенном запасе несколько осветительных мин к миномету и 50-миллиметровые осветительные ракеты. Я вспоминаю о своих архитектурных открытиях, сделанных в Калининградской области и Литве, и с первых дней моего пребывания на заставе мы усовершенствуем стрелково-пулеметные сооружения. И зауживаем стрелковые бойницы так, чтобы у каждого стрелка основной сектор стрельбы был фиксированный по вертикали и горизонтали. Запасной сектор стрельбы делаем более «свободным». В каждом СПС в ящики из-под гранат к старому боезапасу добавили две упаковки патронов по сто двадцать штук, две гранаты Ф-1 и четыре РГО.

На одном из скрытых подступов к заставе я установил сигнальные мины. Вскоре их, почти все, сорвали местные дикобразы. А вот пустые банки из-под консервов и тушенки, которые наш повар стал туда выбрасывать, оказались на удивление эффективными. Даже проползти ночью без шума там стало невозможно. И несколько дикобразов, которые пытались полакомиться содержимым этих банок, вскоре стали приятным дополнением к нашему рациону питания.

На минометной позиции я установил выносную точку прицеливания – обычный цинк из-под патронов, в днище которого ножом сделана прорезь (при стрельбе ночью в цинк вставлялся фонарик или свечка), на которую наводился прицел. Другими словами, это была обычная

вертикальная линия, хорошо видимая в прицел днем и ночью. В училище миномет мы проходили только ознакомительно, но на автоматическом гранатомете АГС-17, который мы изучали основательно, был такой же прицел. Так что основы стрельбы с закрытой огневой позиции по выносной точке прицеливания я знал. В общем, кое-что для ведения ночного боя мы сделали. Теперь нужно было проводить слаживание взвода и тренировки.

Теоретически картинка ночного боя начинала складываться. Но на первый пост, где установлена труба зенитная командирская ТЗК-20 и откуда лучше всего управлять боем, сил забраться у меня не было. И вся надежда оставалась только на часовых, стоявших на этом посту. И тут возникла настоящая проблема. Дело в том, что не все бойцы моего многонационального мотострелкового взвода хорошо говорили по-русски. И вместо точного целеуказания могли лишь примерно указать общее и довольно абстрактное направление на цель. Но для этого мне все равно необходимо было подняться к ним на первый пост.

Разбираясь с зенитной трубой, установленной на первом посту, я обнаружил на ней азимутальный целеуказатель! Это открытие стало ответом на мучивший меня вопрос об управлении огнем заставы не только днем, но и ночью. Ведь, по сути, азимутальные указатели стояли на танке, на моих БМП и миномете. Нужно было просто объединить все эти «инструменты», углы и угломеры в единую систему!

А дальше все было просто. Я немного усовершенствовал свою «рабочую» карточку огня восьмой сторожевой заставы – свел воедино азимутальные углы ТЗК, танка, БМП и миномета. Чтобы не путаться с поправками для разных образцов оружия, за основу я взял «ноль» на азимутальном указателе танка. Ведь танк в окопе повернуть проблематичнее, чем немного развернуть треногу ТЗК-20 или перенести выносную точку прицеливания миномета. Теперь целеуказание часовой с первого поста вел на языке цифр – передавал данные с азимутального указателя. Это было гораздо проще (цифры на русском языке знали все), понятнее и точнее.

Затем я определял координаты цели по своей «рабочей» карточке огня, на которой были указаны угловые величины и дальности не только до ориентиров, но и до всех кишлаков, крепостей, перекрестков и т. д. Определить дальность до цели днем не представляло особого труда, а ночью ее приходилось «угадывать», исходя из рельефа местности и предполагаемых действий душманов. Затем я выбирал наиболее подходящий вид оружия и боеприпасов. И в зависимости от этого передавал исходные данные для стрельбы экипажу танка или наводчикам-операторам БМП с помощью радиостанции Р-148, а минометчикам – голосом.

При необходимости мог запросить через батальон огневую поддержку дивизионной артиллерии и авиации. Но им координаты передавал уже традиционным способом – с указанием квадрата по своей рабочей карте-сотке. Более точное указание координат цели, по «улитке», для них, как правило, не требовалось.

Единственное, нужно было поскорее разобраться с дальностью стрельбы из миномета с помощью различных зарядов. Но на основном заряде мы накрывали практически любые цели вокруг заставы в радиусе до двухсот метров первой же миной. Даже без прицела.

Тем временем душманы продолжали запускать реактивные снаряды по Баграму и обстреливать наши заставы. Как обычно, пуски реактивных снарядов они производили в сумерках, в непосредственной близости от мирных кишлаков. И я никак не мог придумать, что с этим сделать. Но в голове у меня звучали слова моей любимой песенки из фильма «Айболит-66»:

*Ходы кривые роет подземный умный крот,
Нормальные герои всегда идут в обход.*

На занятиях по политэкономии в училище нам часто говорили, что экономика определяет политику. И что война есть продолжение политики иными средствами. Думаю, что не случайно нам это говорили. Решение пришло само собой. Постепенно я начинал собирать инфор-

мацию о различных объектах, принадлежащих главарям местных банд. И в случае обстрела наша застава открывала огонь не по местам пусков реактивных снарядов, где никого уже не было, а по этим самым объектам. Прошло буквально несколько дней, как обстрелы нашей заставы, баграмского аэродрома и штаба дивизии из нашей зоны ответственности практически прекратились. Местные душманы начали активно поддерживать политику национально примирения. Стремительно превращаясь из непримиримых врагов в добрых, мягких и пушистых дехкан.

А все почему? Все потому, что на их прежние, по сути, безнаказанные обстрелы, особенно в темное время суток, раньше мы могли работать только «по площадям» – не нанося им серьезного урона. Теперь же любая их попытка провести обстрел получала жесткий, своевременный и довольно болезненный ответ – непосредственно по их главарям. Да и эксперимент со старейшинами тоже увенчался успехом. Дорогу между Тотыханом и девятой сторожевой заставой минировать перестали. Это сразу же сказалось на потерях личного состава. И не только нашей роты, но и других подразделений, которые пользовались этой дорогой. И больше у нас не было ни одного погибшего.

Хотя с дорогой нужно еще поработать. Ведь нет ничего более неблагодарного, чем человеческая память. Время накладывает на события пелену забвения. Старейшины кишлака Калашахи могли забыть о нашем договоре. И то, что дорогу не минировали, могло говорить только об одном. Скоро начнут.

А пока нужно ехать на партсобрание в батальон. В прошлом месяце меня избрали секретарем ротной партийной организации. На партсобрании за успешную работу по снижению боевых потерь и обстрелов штаба дивизии из нашей зоны ответственности меня награждают двумя рулонами рубероида.

Да, война войной, но нужно завершать строительство хозблока. Пока я валялся в госпитале, строительство было заморожено. И хотя баня практически построена (осталось только установить лавки и обшить досками парилку), со столовой и кухней еще работы много. И крышу нужно доделывать. Возникла проблема с гвоздями. Пока мы не нашли настоящий клад. Оказалось, что для изготовления одного ящика на два танковых снаряда идет порядка восьмидесяти гвоздей. Еще больше их в минометных ящиках. Это открытие нас здорово выручило. И рубероид был очень кстати.

Но подкралась еще одна проблема. Приближение зимы. По ночам на Тотыхане становится все прохладнее и прохладнее. Пора браться за отопление. Другими словами – выкладывать печь в казарме. В общих чертах я представляю, как класть печи. Не раз видел, как это делал отец у нас на даче. И даже помнил «порядовку». Печной кирпич укладывался на раствор из глины и песка. Соотношение глины и песка подбиралось опытным путем. Из раствора вы делаете шарики около пяти сантиметров в диаметре и даете им подсохнуть. Если после того, как шарики подсохнут, они начнут рассыпаться, значит, в раствор необходимо добавить немного глины. Если начнут растрескиваться – значит, песка. После нескольких проб вы получите оптимальное соотношение составляющих раствора. При таком соотношении коэффициенты теплового расширения кирпича и раствора окажутся примерно равными. А значит, печь прослужит долго.

Все это в теории. Я действительно представляю в общих чертах, как ее делать. Из печного кирпича. Вот только совсем не представляю, как делать из глинобитного кирпича и камня. Колосник мы сделали из «пальцев», которыми соединяются танковые траки. Дверок и задвижек у нас не было. Я провозился с этой печью несколько дней. Печь получилась большой, теплоемкой, со множеством воздухопроводов, а главное, не такой прожорливой, как обычная чугунная печь. Это было важно, ведь дров у нас не было, да и угля было не слишком много – его приходилось экономить.

Но с еще большим удовольствием я делал свое домашнее задание – нож, который при-
виделся мне, когда я был в коме. Я не рисовал эскизов, не думал над его формой. Я вообще
ни о чем не думал. Складывалось впечатление, что руки делали его сами собой. На ощупь.
Под управлением каких-то потусторонних, неведомых мне сил. И он действительно получился
немного необычным. Небольшая рукоятка и широкое пятисантиметровое обоюдоострое лез-
вие длиной около десяти сантиметров, чем-то отдаленно напоминающее коготь тигра.

А вот отнести его Шафи не получается. Ждем осеннюю проверку из Москвы. Прихо-
дится подбивать документацию заставы, наводить порядок. Проводить дополнительные заня-
тия с личным составом по боевой готовности и огневой подготовке. Обучаю солдат метанию
ручных гранат. Объясняю, что наступательные гранаты предназначены для того, чтобы вызвать
контузию у солдат противника, сидящих в окопах. И дать возможность приблизиться к ним на
расстояние удара штыком. Осколочное действие их незначительно. Для подтверждения своих
слов метаю пару гранат РГД-5 с открытой позиции. А после обеда выковыриваю ножом осколок
из своего плеча. Наступательные гранаты – действительно безобидные игрушки, но, к сожале-
нию, не всегда. Боек запала даже у наступательной гранаты летит метров на сто. И горе тому,
кто попадется на его пути! Но это исключение из правила. А правило гласит: «Наступательные
гранаты – всего лишь детские игрушки». И меры безопасности соблюдать все равно нужно –
они написаны кровью.

Деталь одной из таких игрушек я и выковыриваю. Хорошо еще, что мои бойцы не видят
меня в этот момент. Вот бы посмеялись. Проблема в том, что после тифа у меня ужасная сла-
бость. За несколько дней сбросил более двадцати килограммов. Сейчас вешу менее пятиде-
сяти. Любые движения даются с большим трудом, вот и гранаты нормально бросить не полу-
чилось. И даже осколок вытащить получается не с первого раза.

А вечером занимаемся с Олегом Артюховым английским языком. Он сегодня вернулся с
девятой заставы. Я захватил из Союза самоучитель английского языка. Олег привез самоучи-
тель по стенографии. Да, учиться можно и на войне. Учиться можно везде. Нужно учиться! Как
же иначе? Олегу проще, он окончил английскую спецшколу. Зато мне есть к кому тянуться.

В воскресенье в восемь часов утра с «Пахаря» (это позывной командного пункта бата-
льона) поступила команда: «До четырнадцати часов вести беспокоящий огонь из “слона” по
населенным пунктам Лангар, Калайи-Кази, Постиндоз». Оказывается, начался первый этап
вывода наших войск. Сегодня выходит кабульский зенитно-ракетный полк. А мы его приккры-
ваем. Перечисленные кишлаки – зона ответственности Карима. Точнее, после его гибели это
зона ответственности его младшего брата Рахматулло. Название «населенные пункты» совер-
шенно условно. Они давно уже не населенные. Это укрепленные районы, в которых не осталось
мирных жителей. Только душманы. Беспокоящая стрельба из танка позволит немного отвлечь
их от дороги и обеспечит безопасный выход полка. Другими словами, мы вызываем огонь на
себя.

Пришла информация, что на перевале Саланг тяжело ранен начштаба нашего полка Рус-
лан Султанович Аушев. Его отправили в Союз. Около пятнадцати часов на заставу приехал
комбат с каким-то майором из штаба армии, проверяющим. А говорили, что проверка будет
из Москвы. У нас все в порядке. В канцелярии роты новая документация, в ленинской ком-
нате – стенная газета, посвященная предстоящей проверке. Комбат поднимает заставу в ружье.
Ребята не подвели, сработали на славу. Комбат с проверяющим довольны. Быстренько переку-
сывают и уезжают на двадцать вторую, а затем на девятую заставу. По итогам проверки наш
взвод занимает первое место в батальоне. Хотя заслуги моей в том практически нет – просто
ребята хорошо поработали. Но все равно приятно.

К вечеру на заставу приходит Хасан. Просит пропустить кочевников через нашу зону
ответственности. Идут в Джелалабад. Не совсем представляю, что это за кочевники, но в
паре километров южнее двадцать второй заставы уже несколько дней стоит с десятков их юрт.

Пуштуны. Хасан говорит, что это только малая часть племени. Остальные подойдут завтра. Связываюсь с КП батальона. Разрешение получено.

И вот наступает завтра. Есть в этой жизни вещи, которые лучше не видеть. Одна из них – кочующее племя пуштунов. На рассвете от горизонта до горизонта вдоль русла реки Барикав вытягиваются цепочки людей и животных. Отары овец, стада верблюдов, кибитки с кочевниками, наездники на верблюдах и лошадях. Количество кочевников подавляет. Чувствуешь себя песчинкой в бесконечных просторах космоса. И прекрасно понимаешь, что, если это племя по той или иной причине свернет со своего пути, оно тебя просто растопчет. И даже не заметит этого. Не спасут тебя ни самые современные системы оружия, ни автоматические пушки, ни танки. Закрадывается чувство беспомощности. Кажется, что ты ничего не сможешь сделать с ними. Они с тобой – все что угодно.

Через несколько минут наваждение проходит. Все так же, в несколько колонн, продолжают течь людской поток, отары овец, стада верблюдов. Но чувство беспомощности проходит. Пуштуны тоже люди. Со своими проблемами и страхами. Им достается и от духов, и от народной власти. И трудно сказать, от кого больше.

К вечеру поток кочевников иссяк. Олег уехал разбираться с девятой заставой – там какие-то проблемы со связью. Точнее, с ее организацией. Мы выходим на связь с КП батальона каждые два часа днем и через час ночью. Докладываем обстановку. На девятой постоянные сбои: то опоздают с выходом, то проспят. А это значит, что и со службой там серьезные проблемы. Кое-кому нужно накрутить хвосты! Олег у нас сейчас главный хвостокрут.

В конце октября с КП батальона приходит радиограмма: «Командира девятой сторожевой заставы Сергея Плотникова, старшину и двух карандашей (солдат) отправить в полк на сборы молодого пополнения». Караул! Грабят! На четыре заставы нас остается ровно четверо: замкомроты старший лейтенант Олег Артюхов, замполит роты старший лейтенант Сережа Земцов, я и командир гранатометно-пулеметного взвода прапорщик Андрей Иванищев. Вместо девятерых по штату. Ротный все еще валяется с гепатитом в госпитале, Саша Корнила, командир двадцать второй заставы, вместе с техником роты сдает подбитые БМП в Хайратоне. Там, на границе с Союзом, армейский сборный пункт поврежденных машин, ремонтный батальон и пункт получения новой техники. Я, конечно, немного жульничаю, не говорю, что у меня на заставе есть еще командир станции радиоперехвата прапорщик Витя Томчук. Он меня здорово выручает! Но к нашей роте он никакого отношения не имеет.

Для организации круглосуточной караульной службы одного офицера на заставу, конечно же, мало. Ну а кому сейчас легко? Проблема в другом – я никак не могу встретиться с Шафи. Хотя уже, наверное, лучше и не спешить – за такую регулярность наших встреч Шафи меня просто убьет. Я даже не сомневаюсь в этом.

В субботу устраиваем баню. Наша еще не доделана. Приходится спускаться вместе с бойцами вниз к реке. Для прикрытия выставляем одну боевую машину пехоты. Стираемся, моемся. Где-то выше по течению начинается сезон дождей – зима. Барикав стал заметно шире. Вода в реке ледяная. Тут еще Марат Акаев, механик-водитель БМП, оказывает медвежьей услугу. Чтобы бойцам не переходить через речку, подгоняет машину к ним. Разворачивается на камнях. Гусеница БМП слетает и заклинивается о фальшборт. Естественно, на самой глубине. Поставить гусеницу на место – дело пятнадцати минут. На сухом месте, разумеется. В воде это занимает около часа. Самое неприятное, что кому-то нужно лезть воду. В глазах у Марата застывает неподдельный ужас: либо его религия не позволяет ему мыться два раза на дню, а сегодня он уже мылся, либо ему очень не хочется сидеть в воде. Мне приходится лезть в нее самому. Мысленно твердя: «Мне тепло, т-те-те-пло». Но это мало помогает...

Гусеницу поставили на место, вернулись на заставу. Баня закончилась. Как хорошо, когда все заканчивается хорошо. И как хорошо, что в Афганистане болеют только инфекционными болезнями. Какая-то шутка иммунной системы – на войне редко кто простужается. В мирное

время после такой бани я в лучшем случае подхватил бы двустороннее воспаление легких. К счастью, здесь идет война.

И в эту же ночь духи обстреливают нашу заставу. Из Карабагкареза по заставе работают крупнокалиберный пулемет ДШК и несколько автоматов. От нас до кишлака около двух километров. На такой дистанции ДШК представляет не слишком большую угрозу. Автоматы вообще на такой дальности выглядят глупо. От подножия горы по нам делают несколько выстрелов из противотанковых гранатометов, но гранаты до заставы не долетают. Зато пули свистят со всех сторон. Цель обстрела не совсем понятна. Я почему-то надеялся, что обстреливать нас больше не будут. Хотят проверить на вшивость? Всегда пожалуйста! Открываем ответный огонь из танка по Карабагкарезу. И из миномета посылаем несколько мин на основном заряде к подножию горы. А к утру по данным радиоперехвата выясняется, что в Карабагкарез из Пакистана вернулся средний брат Карима, Абдул-Али. С ним пятнадцать человек. Похоже, они ночью просто резвились.

Новые духи – новая головная боль. Пока не получится переключить их активность в мирное русло, от них можно ожидать любых неприятностей. Надо встретиться с Хасаном. Напомнить ему о безопасности дороги и о наших договоренностях. На посту у Хасана два новых человека: Хуанджон (какое красивое афганское имя: Хуан, он же Джон!), командир отряда самообороны из кишлака Мианджай, и Мирзо, дехканин из его же кишлака, раненный автоматной пулей в стопу. Первый посетитель моего лазарета!

Увы, извлечь пулю из стопы не так-то просто. К тому же из хирургического инструмента у меня только нож да небольшой пинцет. Из лекарств – пузырек йода и несколько таблеток стрептоцида. Из обезболивающего – единственный тюбик промедола. Из антибиотиков – только надежда на благоприятный исход. Хорошо, хоть бинтов достаточно. Судя по всему, пуля была на излете. Главное – не трусить! У местных жителей хорошая иммунная система. Рана свежая. В отличие от осколочных, которые заносят в рану частицы одежды, пулевое ранение более стерильно. К тому же особого выбора у меня нет. Надо пробовать. Мы положили раненого на циновку – работать на плетеной деревянной кровати неудобно. Но самая большая проблема возникла там, где я ее не ждал. Проблема с обработкой раны. Афганцы ходят босиком либо в резиновой обуви. Ноги не моют годами. Вы представляете, как выглядят эти ноги? Одну из них мне предстояло оперировать.

Возможно, любой хирург предал бы меня анафеме за то, что я сделал. Точнее, за то, чего делать не стал. Я благоразумно не стал разводить грязь и сырость, не стал мыть ногу Мирзо. Единственное, что я сделал, – обработал небольшую полоску кожи вокруг раны йодом. Ввел промедол из шприц-тюбика внутримышечно. Ножом сделал небольшой надрез и немного расширил рану. Пинцетом извлек пулю и засыпал рану стрептоцидом. Наложил повязку и испугался. Что творю?! Если бы только раненый знал, кому он доверил свою ногу. Но он успел потерять сознание. И не узнал, что за коновал занимался его раной. И что в этот момент коновал думал о своих медицинских способностях. Раненому лучше было этого не знать.

Я поручил его заботам маленького Абдула. Попросил, чтобы дехканину давали побольше чая. И пообещал зайти завтра, сделать перевязку. Чай – это внимание. А внимание необходимо раненому больше всего. Просить же, чтобы его почаще кормили, было глупо: на посту у Хасана продовольствия не хватало и бойцам. Спасибо еще, что его аскеры (герои) делились с раненым последней лепешкой и горстью риса.

Куликовская битва

Вскоре из полка приехали Сергей Плотников и старшина. Олег Артюхов вернулся на Тотахан. И у меня наконец-то появилась возможность навестить Шафи. Мне не терпится поскорее показать ему свой новый нож. А заодно забрать очередную шифровку. Забавно, но наша «почта» работает пока в одностороннем порядке. Периодически Шафи передает мне небольшие листочки с аккуратными столбиками цифр. Я отношу их командиру станции радио-перехвата Вите Томчуку. Но в обратном направлении я до сих пор не передал еще ни одной шифровки. Думается, пока мы решаем какие-то задачи в интересах Ахмад Шаха, для того чтобы со временем обратиться к нему с какими-то просьбами. И чтобы он тогда не отказал нам в помощи.

Мне приятно, что Шафи рад меня видеть. Он начинает понемногу привыкать ко мне. И очень рад, что я вернулся из госпиталя. Но еще более радостную встречу устроила Лейла. Она бегает вокруг, хлопает в ладоши, смеется. Шафи сказал ей: «Кыш!» Несколько фраз на фарси (я их не понял, кроме одного знакомого мне слова «ангур» – «виноград»). Затем попросил принести блюдо с мастом (простоквашей) и несколько лепешек. Лейла моментально испарилась. Но в глазах ее сияла неподдельная радость: в гости пришел их друг. И у нее теперь тоже был друг!

Мы сидели в комнате на циновках. Макали лепешки в миску с мастом. Неспешно вели беседу. Как-то незаметно разговор перешел на историю России. Я рассказал Шафи о телевизионной передаче, посвященной Шаталову, которую слушал через стенку в госпитале. О его уроке на тему Куликовской битвы. К моему удивлению, тема эта была хорошо знакома Шафи. И к моему стыду, он знал о ней куда больше меня!

– Вы, шурави, слишком плохо знаете свою настоящую историю. В этом ваша слабость. Но у вас славная и героическая история – и это ваше самое сильное оружие! Когда вы научитесь использовать все лучшее, что было придумано, изобретено или сделано вашими предками, вы станете непобедимыми. Что же касается Куликовской битвы, на мой взгляд, важна была не только битва. Но и воины, которые принимали в ней участие. Причем и князевы, и те, кого прислал ему ваш большой мулла Сергей Радонежский. Прислал с благословением не только победить, но и сохранить князя. У вас хорошо известны два брата: Пересвет и Ослябя. Но они были не одни. Вместе с ними пришли ратники, которые сражались в легких кольчугах, двумя короткими мечами. После битвы все они остались живыми. Тебе это ничего не напоминает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.